

наго на нихъ нападенія. Но несчастный, горемъ убитый мужъ, видимо не желалъ проронить ни единого слова.

— Мы ваши князья!—крикнулъ младшій Хвостековъ сынъ.

Только теперь поднялъ голову Доманъ и окинулъ дерзкаго презрительнымъ взглядомъ.

— Изъ вашего рода ни одинъ никогда надъ нами княжить не будетъ! — сказалъ онъ.—Этого вы никогда не дождетесь! Вы наши враги, вы разбойники, не вамъ владствовать, подлое, змѣиное племя!

Доманъ снова умолкъ послѣ этихъ словъ. Его велѣли увести прочь и отошли отъ него. Долго нѣмцы издѣвались надъ нимъ, били его, потѣшались — онъ все терпѣливо сносилъ. Наконецъ, его снова связали и потащили на берегъ, гдѣ лежали другіе.

Доманъ упалъ подъ Миршевою вербой. Руки у него были связаны, ноги свободны.

Вечеромъ трупъ убитой Мили лежалъ одинъ надъ водою. Доманъ тихонько приползъ къ водѣ; когда часовые уснули, онъ бросился въ озеро и исчезъ.

XXV.

На островѣ, у воды, толпился народъ и глядѣлъ на другой берегъ, въ молчаніи къ чему-то прислушиваясь.

Съ другого берега вѣтеръ приносилъ дымъ и крики, раздиравшіе душу. Это доказывало, что дома и селенія въ огнѣ, люди гибнутъ... Иногда на водѣ показывались трупы, подплывавшіе къ острову, какъ-бы моля предать ихъ землѣ...

Вечерѣло... Вдали разстилался туманъ, перемѣшанный съ гарью.

Храмъ былъ пустъ, весь народъ собрался у берега. Тутъ-же былъ и старый Визунъ, съ сѣдовласой Наной и Дивой, съ истомленнымъ, блѣднымъ лицомъ; у священнаго огня осталась одна только женщина. Всѣ молчали. У всѣхъ на умѣ былъ одинъ только вопросъ: нападутъ-ли поморцы? Бросить-ли все и бѣжать, или остаться, пожертвовавъ жизнью? Никто не рѣшался, однако, высказать вслухъ то, что внутренно его волновало. До сихъ поръ никто никогда не осмѣлился нападать не только на храмъ, даже

на островъ. Не разъ видны были огни и слышались дикіе возгласы на томъ берегу бушевавшаго непріятеля — все-же врагъ уходилъ назадъ, несмотря на то, что сокровища храма представлялись ему сильно заманчивыми.

Здѣсь было много народа, которымъ легко овладѣть; защитниковъ среди нихъ слишкомъ-бы мало нашлось. Преобладающимъ населеніемъ являлись здѣсь женщины, дѣти и старики. Пожалуй, въ храмѣ оружія было достаточно,—но гдѣ взять рукъ настолько умѣлыхъ, чтобъ имъ владѣть? Всѣ слишкомъ слабы!

Общее вниманіе сосредоточивалось на Визунѣ, который стоялъ на пригоркѣ, смотрѣлъ и молчалъ. По выраженію его лица желали прочесть—о чемъ думалъ старикъ; но лицо его было точно застывшее. Ни одна морщинка не дрогнула, губы не шевелились, онъ даже не моргнулъ ни разу глазами.

Хотя на дворѣ было ужъ такъ темно, что даже вблизи съ трудомъ различались предметы, народъ однако не расходился. Всѣ продолжали стоять, словно ждали чего. Вдругъ на водѣ послышался плескъ.

Рыба-ли, человѣкъ-ли? Темнота не позволяла разглядѣть хорошенько. Что-то свѣтлое поднялось изъ воды и исчезло. Человѣкъ, выбившійся изъ силъ, плылъ къ берегу. Визунъ сошелъ съ пригорка, на которомъ стоялъ, и подступилъ къ водѣ... Его глаза теперь только стали пристально всматриваться въ воду, какъ-бы желая что-то увидѣть.

Надъ поверхностью воды показалась человѣческая голова, покрытая длинными волосами... Человѣкъ все ближе и ближе подплывалъ къ берегу... Еще минута — онъ очутился-бы внѣ опасности, но силы его оставили.

Замѣтивъ это, Визунъ вошелъ въ воду и до тѣхъ поръ въ ней оставался, пока утопавшему, въ предсмертномъ усилии, не удалось, наконецъ, уцѣпиться за руку, ему протянутую.

Тогда старикъ быстро вытащилъ несчастнаго на берегъ, но безъ признаковъ жизни: совсѣмъ обезсилѣвъ, бѣдняга лишился чувствъ. Прибѣжавшіе слуги помогли уложить его поудобнѣе... Визунъ наклонился надъ нимъ и вдругъ вскрикнулъ:

— Доманъ! Дитя мое! Живъ-ли ты?..

Доманъ лежалъ недвижно, съ еле-замѣтнымъ дыханіемъ, весь

облитый кровью... На зовъ Визуна онъ открылъ глаза, но сейчас-же ихъ снова закрылъ...

Дива, слышавшая какъ Визунъ произнесъ имя Домана, пошла къ нему. Визунъ велѣлъ ей подать больному напитокъ.

Кто какъ умѣлъ началъ приводить въ чувство Домана. Наня отправилась приготовить напитокъ, который-бы могъ вернуть умирающему уходящую отъ него жизнь.

Наконецъ, вслѣдствіе общихъ усилій, онъ понемногу пришелъ въ себя. Дива стала возлѣ него на колѣни и собственными руками подала ему напитокъ. Явилась и Наня — но Доманъ, едва на мгновеніе открывалъ онъ глаза, какъ вѣки опускались сами собою.

Домана отнесли въ хижину Визуна. Старикъ велѣлъ уложить его на своей постели, и самъ усѣлся возлѣ него. Онъ собственными руками перевязалъ ему раны. Въ храмѣ всегда было много различныхъ травъ для больныхъ. Визунъ надѣялся, что сумѣетъ вернуть къ жизни бывшаго своего воспитанника, который уснулъ крѣпкимъ сномъ и такъ проспалъ до утра.

Визунъ, убѣдившись, что Доманъ спитъ и что первый моментъ опасности миновалъ, отправился снова къ озеру. Поморцы были чрезвычайно смѣлы и ловки — легко было предположить, что найдутся межъ ними охотники устроить ночное нападеніе на храмъ.

Такъ цѣлую ночь никто и не трогался съ мѣста. Уже разсвѣтало, когда Визунъ увидѣлъ какое-то черное пятно на поверхности озера... Пятно это тихо двигалось къ острову. Солнце взошло... Пятно превратилось въ лодку и все приближалось... Визунъ видѣлъ теперь, что въ этой крошечной лодкѣ сидѣла какая-то женщина... Знать, дремота одолѣла ея изнуренное тѣло: лодка подолгу иногда кружилась на одномъ мѣстѣ, и только лишь при благопріятномъ вѣтрѣ плыла къ острову... Сидящая въ ней женщина не просыпалась... Наконецъ, лодка ударилась о берегъ и закачалась; старуха проснулась, протерла глаза и, взявъ палку, бывшую съ нею, вышла на берегъ, но здѣсь, послѣ первыхъ шаговъ, упала на землю.

То была злосчастная Яруха, которую поморцы потому не убили, что сочли ее вѣдьмой и боялись дотронуться до нея.

Ночью ей удалось найти забытую кѣмъ-то въ камышахъ лодку, она сѣла въ нее, оттолкнулась отъ берега и по волѣ стихій добралась до острова.

Старуха скоро пришла въ себя и, замѣтивъ стоявшаго надъ нею Визуна, котораго видала не разъ, обратилась къ нему со словами:

— Живя, богиня моя, избавила меня отъ смерти. Марена ужъхватила меня за горло, желая тащить меня въ яму... Но Живя, добрая матушка, покрыла старуху своимъ платкомъ... И вотъ цѣлы остались старыя мои кости.

— Много людей погибло?—спросилъ Визунъ.

— Много-ли? Да столько, сколько ихъ было тамъ... Всѣ погибли... Я видѣла трупъ той, которая еще вчера была дѣвушкой, а помирать привелось замужней... Мечъ вонзили ей въ грудь... Погибъ женихъ, погибли молодцы, всѣ погибли, даже собакъ убили.

Старуха затрясла головою.

— Хижины сожгли?

— Все разрушили, все обратили въ пепель... Вороны на пиръ слетѣлись, а люди плачутъ...—старуха вздохнула.

— Ушли?—спросилъ Визунъ.

Старуха сразу не могла дать отвѣта; она не помнила, что вчера случилось.

— Я лежала на землѣ, мертвая, когда Живя покрыла меня своимъ платкомъ... я не слышала и не видѣла ничего. Долго вокругъ меня ходили, кричали, ногами меня топтали. Да... что-жъ дальше?... Вспомнила—когда начало разсвѣтать, что-то ихъ напугало... Русалки вышли изъ озера, вѣтеръ поднялся сильный и гналъ ихъ прочь... Онѣ съ крикомъ ушли, а трупы остались на берегу... О! Трупы бѣлѣютъ, точно весенній цвѣтъ на лугу... Ушли, нѣтъ ихъ болѣе, но не вернутся-ли снова?

Визунъ вздохнулъ свободнѣе; только довѣрять-ли старухѣ, у которой видимо голова не на мѣстѣ?..

Чѣмъ больше ее спрашивали, тѣмъ запутаннѣе она давала отвѣты... Наконецъ, Яруха устала болтать, сѣла подъ деревомъ и уснула.

Между тѣмъ, у берега показалась новая лодка... Изъ нея вы-

шелъ старикъ, простоявшій всю ночь — до утра въ камышахъ и тогда лишь нашедшій возможность безопасно переѣхать на островъ...

Онъ рассказывалъ, что поморцы, уничтоживъ огнемъ и мечомъ все встрѣчавшееся имъ на пути, получили откуда-то ночью извѣстіе, которое ихъ до того напугало, что они сейчасъ-же торопливо вернулись въ свои лѣса. Кромѣ того старикъ утверждалъ, что у нихъ было намѣреніе, по связаннымъ лодкамъ добраться на Ледницу и что—если оно не осуществилось то единственно вслѣдствіе неожиданнаго для всѣхъ ночного бѣгства, что непріятель, дѣйствительно, кромѣ труповъ и цѣлыхъ грудъ пепла, ничего послѣ себя не оставилъ.

Нѣсколько успокоенный этими подробностями, Визунъ пошелъ въ храмъ, а оттуда направился къ своему больному. Доманъ спалъ еще. Старикъ приготовилъ завтракъ и сѣлъ у постели больного, сталъ дожидаться пока тотъ самъ не проснется. По-временамъ онъ прикладывалъ руку ко лбу и къ груди Домана: лобъ горѣлъ, сердце съ силою билось въ груди. Раны слегка затянулись, кровь не сочилась болѣе.

Только въ полдень проснулся Доманъ; онъ хотѣлъ было подняться, но сейчасъ-же въ безсиліи опустился на изголовье. Со сна онъ долго не могъ сообразить, что съ нимъ произошло и гдѣ онъ теперь находится. Визунъ заставилъ его подкрѣпить себя пищею и лишь тогда разрѣшилъ говорить.

Какъ въ туманѣ мелькали предъ Доманомъ всѣ событія: свадьба, нападеніе поморцевъ, бѣгство его съ женою, потомъ смерть Миши, наконецъ, плѣнъ и освобожденіе... Грустная повѣсть женитьбы была еще слишкомъ свѣжа—несчастный старательно обходилъ ее въ разговорѣ и Визунъ, казалось, его одобрялъ, говоря:

— Сперва болѣзнь выдохни изъ себя, а тамъ примемся за оружіе и проучимъ поморцевъ.

— Мы теперь точно пчелы безъ матери...—замѣтилъ Доманъ:—главы у насъ нѣтъ... Если такъ еще долго протянется, всѣмъ придется погибнуть! Ну, не хотятъ Лешковъ—пускай избираютъ другого! Боги вѣдь ясно сказали: покорнаго, бѣднаго...

На слѣдующій день Доману было не лучше. Жажда томила его, онъ безпрестанно впадалъ въ забытіе, кричалъ и метался.

Визунъ очень часто навѣдывался въ избу: посидить у постели, приготовить что нужно и снова уйдетъ. Дива два раза осторожно подкрадывалась къ жилищу больного, заглядывала въ щели, прислушивалась. Разъ даже тихонько открыла дверь, чтобы взглянуть на спящаго Домана. Видѣть его—стало ея потребностью; но пока съ ней еще боролись два чувства: зарождающаяся страсть и стыдливость дѣвушки...

На третій день Доманъ почувствовалъ облегченіе. Онъ сидѣлъ на постели, Дива болѣе не являлась. Когда вечеромъ пришла ея очередь нести ужинъ Визуну и больному, она долго не могла на это рѣшиться: ей сдѣлалось страшно чего-то, хотя въ то-же время такъ и тянуло увидѣть Домана. Старика не было дома, когда Дива вошла въ избу... Больной увидѣлъ въ окно, какъ она отошла отъ порога, замѣтивъ, что Визуна нѣтъ.

— Дива! Дива!—крикнулъ Доманъ:—перевязала-бы ты мнѣ рану; приложила-бы къ ней свѣжихъ листьевъ...

— Визунъ-же всегда это дѣлаетъ?—отвѣтила Дива, входя.

— У старика руки трясутся!—возразилъ Доманъ.

Дива не знала, что предпринять. Сомнѣнія ея разрѣшились приходомъ Визуна. Доманъ при немъ повторилъ свою просьбу.

— Перевяжи-жъ ему рану!—повелительно крикнулъ старикъ.— Это вѣдь женское дѣло!

Дива повиновалась. Доманъ сидѣлъ на постели въ одной рубашкѣ, и на раскрытой груди виднѣлся широкій рубецъ, тотъ самый, который когда-то нанесла ему Дива своей рукой. Дѣвушкѣ показалось, что Доманъ нарочно раскрылъ рубаху въ томъ мѣстѣ. Молча подошла она къ раненому, какъ слѣдуетъ наложила повязку, послѣ чего сейчасъ-же вышла на дворъ и пустилась бѣжать къ храму. Визунъ пристально посмотрѣлъ на Домана. Оба они, казалось, вели нѣмой разговоръ.

— Дива тебя боится,—произнесъ, наконецъ, Визунъ:—а ты опять что-то сталъ на нее заглядываться...

— Я-бы быть можетъ ее и забылъ, еслибъ волны меня сюда не прибили!—отвѣтилъ въ раздумьи Доманъ.

— Судьба!—вздохнулъ Визунъ.

— Судьба!—повторилъ и Доманъ.

Оба умолкли. Старикъ безъ надобности началъ съ чѣмъ-то во-

заться въ углу, а въ сущности лишь для того, чтобы скрыть выраженіе лица.

На слѣдующій день Доманъ вышелъ на воздухъ и сѣлъ на крыльцѣ, но Дива не приходила. Доманъ рассчитывалъ, что, выздоровѣвъ окончательно, будетъ въ состояніи чрезъ нѣсколько дней уѣхать домой. Но онъ слишкомъ долго сидѣлъ на крыльцѣ; вѣтеръ былъ свѣжій, и ему опять сдѣлалось хуже. Старикъ уложилъ его снова въ постель. Между тѣмъ, заботясь о Доманѣ, онъ и самъ занемогъ: жаловался на ломоту во всѣхъ костяхъ. Въ тотъ день Дивѣ пришлось явиться ужъ къ двумъ больнымъ, чтобы за ними ухаживать. Она сейчасъ-же пришла и принялась молча за дѣло. Дива всѣми силами старалась не смотрѣть въ лицо Доману и избѣгать разговора съ нимъ. Доманъ былъ тоже сосредоточенъ. Только тогда, когда Дивѣ настало время уходить изъ избы, она помедлила у порога, долгимъ взглядомъ впиалась въ Домана и быстро скрылась за дверью.

Яруха все еще расхаживала по острову. Она не могла пожаловаться на свою судьбу: съ ней часто совѣтовались, кормили ее и отдаривали подарками за снабженіе. Ей всегда находилось дѣло, а не то—она хоть полъ подметала въ храмѣ. Любопытная, какъ вообще старухи, она скоро ознакомилась со всѣми закоулками острова.

Яруха, замѣтивъ, что Дива выходитъ изъ избы Визуна, въ которой она еще никогда не была, ей—старой вѣдунѣ—побывать еще не пришлось, подумала, что не мѣшаетъ исправить такую ошибку.

Яруха открыла дверь. Доманъ сидѣлъ на постели. Старуха внимательно всмотрѣлась въ его лицо. Доманъ не запрещалъ ей входить, она и вошла въ избу.

— О! о!—воскликнула она:—такъ вотъ кого я вижу? Да вѣдь это ты, тотъ самый, кому я рану перевязала, женку убили котораго! А ужъ какъ-же и жалъ ея; молодая была да веселая, какъ щегленокъ... У тебя ей, впрочемъ, было не такъ спокойно, какъ дома.

— Почему?

— Потому, что вы, жупаны,—прихотливы,—продолжала старуха:—у васъ всегда много женщинъ, и вы ихъ не умѣете ува-

жать! Э! Да вѣдь это тебя-то Вишова дочь такъ уколола?—прибавила Яруха, смѣясь.—А теперь траву тебѣ носить.

Доманъ вздрогнулъ.

— Не ври, вѣдьма!—крикнулъ онъ.—Не вспоминай о прошедшемъ!

— Она здѣсь вѣдь царить,—не смущаясь болтала старуха.— Умница—что говоритъ! Не хотѣлось ей мыть у тебя горшки, ей вѣдь удобнѣе, руки сложивъ, сидѣть у огня... Вишь, она кметова дочь, а для нихъ князя мало! Ручки бѣлыя, работать не могутъ; глазки черные, гордо глядятъ...

При этихъ словахъ она подошла къ Доману и смотрѣла въ его лицо, которое внезапно покрылось румянцемъ.

— А что-жъ? Здѣсь-то на островѣ ты съ ней не поладилъ?—спросила она.

— Я ее рѣдко вижу,—съ напускнымъ равнодушіемъ отвѣтилъ Доманъ.

Старуха призадумалась, а потомъ, ударяя палкою объ полъ, снова заговорила нараспѣвъ:

— А вѣдь это... судьба, что вода принесла тебя прямо къ ея ногамъ... Лучше-бъ совсѣмъ съ нею-то не встрѣчаться... говорятъ вотъ, что будто зажившая рана снова начинаетъ болѣть, когда къ ней приближается тотъ, кто ее нанесъ... Потому, значитъ, неотомщенная кровь... а она бросается даже и изъ зажившей раны, коли виновникъ рядомъ стоитъ... А дѣвица, видно, тебя боится... едва ноги передвигаетъ...

Доманъ молчалъ. Старуха продолжала:

— Она тебѣ стала теперь противна, не такъ-ли? Ну, отвѣчай! Сознайся!.. Если-жъ ты все объ ней думаешь... гмъ... Тогда знай, что это мнѣ дѣло знакомое помогать въ такихъ случаяхъ... У меня, пожалуй, найдутся всякія зелья, средства... Заставила-бъ я ее тебя слушаться!.. Я вѣдь никакая-нибудь обыкновенная женщина, я—вѣдунья!

Доманъ долго еще молчалъ, наконецъ, спросилъ ее, какъ-бы нехотя:

— А что-жъ ты сдѣлаешь, если она дала клятву богамъ? Она никого не хочетъ...

Яруха захохотала.

— Э-ге-ге! Да развѣ первая она, что клятву дала? Мало ихъ развѣ, промѣнявшихъ священнѣйшій огонь на иной—свой, домашній? Захотѣла-бы только—никто ей не запретить, лишь-бы выкупъ внесла за себя! У Визуна и безъ нея женщинъ много.

Доманъ становился внимательнѣе...

— Ужъ я ее подговорю, приготовлю!..—проворчала старуха.

— Нѣтъ, не удастся тебѣ!..—съ грустью воскликнулъ Доманъ.

— Анъ удастся! Я таки кое-что знаю... По крайней мѣрѣ испробую...

— Я тебя на всю жизнь обезпечу,—обрадовался Доманъ:—у тебя будетъ хлѣбъ на старые зубы...

— Ну! У меня давно ужъ зубы повыпали, смѣялась Яруха—что мнѣ въ хлѣбѣ сухомъ? Не раскусишь! Мнѣ молочка подавай, да кусочекъ мяса... Это лучше всего... Потомъ и веселенькаго чего-нибудь выпить... Ну, само собой, не воды... Мнѣ вода не по вкусу...

— Я тебѣ дамъ всего, сказалъ Доманъ:—а въ-добавокъ и шубу на зиму, только... не удастся тебѣ!..

Яруха подошла къ больному и морщинистой рукой начала гладить его по головѣ.

— Ты домой-то не торопись, если хочешь ее имѣть... Я кое-что знаю...

При этихъ словахъ она многозначительно взглянула въ лицо Доману, замурлыкала пѣсню и пошла изъ избы; прямо отъ Домана она отправилась въ храмъ.

Яруха, однако, въ него не вошла, а остановилось у входа, подняла уголъ занавѣса, посмотрѣла внутрь и сѣла на одномъ изъ камней. Она знала, что жрицы должны были проходить мимо нея за водою. Пользуясь временемъ, она собирала траву, росшую кругомъ въ изобилии, связывала ее въ пучки и клала въ мѣшокъ.

Долго пришлось ей сидѣть, пока, наконецъ, одна изъ жрицъ, проходившая мимо, не объяснила ей, что Наня приказала Дивѣ собирать въ садикѣ травы и разное зелье, которое употреблялось для храма. Яруха, выслушавъ сказанное, побрела въ садикъ, бывшій по ту сторону храма.

Это было крошечное мѣстечко, окруженное съ четырехъ сторонъ небольшою изгородью. Старыя вербы, нѣсколько ольхъ, да

испорченныхъ двѣ-три грядки растеній—вотъ и все, что заключаетъ въ себѣ садикъ.

Дива, собравъ, что ей было нужно, сидѣла задумавшись и неторопливо вязала траву въ пучки. Яруха, увидѣвъ ее, остановилась.

— Дочь моя, я готова тебѣ помочь...

Дѣвушка, равнодушно взглянувъ на нее, не отвѣчала на предложеніе. Не смущаясь пріемомъ, старуха вошла-таки въ садикъ, опустила въ возлѣ Дивы на землю и, не спрашивая уже разрѣшенія, начала помогать въ работѣ очень скоро и ловко.

Долго она молчала; затѣмъ, принялась бормотать словно-бы про себя:

— Чтобы я, да долго высидѣла на Ледницѣ, ну ужъ нѣтъ!.. Тѣснота, духота здѣсь ужасная, жизнь-то тянется, словно въ клѣткѣ!

Дива продолжала молчать.

— По цѣлымъ днямъ жариться у огня!.. Да эдакъ дымъ всѣ глаза выѣстъ!.. Жаль мнѣ твоей красоты...—обратилась Яруха къ дѣвушкѣ. Ты здѣсь совсѣмъ изведешься, красавица... Я вѣдь все знаю, все понимаю... Я по глазамъ вижу, что въ человѣкѣ-то происходитъ!.. Да!..

Дива вспыхнула и покосилась на собесѣдницу боязливымъ взглядомъ.

— Что-же ты видишь во мнѣ?.. Что?—рѣшила она произнести.

— Ой, что я вижу!..—заговорила старуха.—Вижу... начинается, что-то, завязывается... трава—и та изъ земли поднявшись—скоро растетъ... Не даромъ судьба вторично толкнула Домана на островъ... Суженаго конемъ не объѣдешь!..

Дива, желая скрыть овладѣвшее ею смущеніе, сдѣлать видъ, будто приводитъ травы въ порядокъ. Старухѣ-то было ясно, что травы тутъ совсѣмъ не причемъ. Она и сказала, обращаясь къ взволнованной дѣвушкѣ:

— Слыхала-ль ты сказку о красавицѣ королевнѣ?

И, не дожидаясь отвѣта, начала она монотоннымъ голосомъ:

— Жила-была нѣкогда красавица королевна, одна дочь у богатого короля, который любилъ ее пуще жизни. Чтобы ни вздумалось—у ней все было... Птичьяго молока и то поставали... Нако-

нець, красавица стала взрослою дѣвицею; тогда отецъ ей и говоритъ: „Пора тебѣ, доченька, замужъ идти“, а королевна въ отвѣтъ „Я согласна, да чтобъ былъ мой суженый и умнѣй и ловчѣй меня, да и крѣпко чтобъ мнѣ полюбился“.

...Вотъ прибили на королевскомъ замкѣ колесо золотое; стали въ замокъ съѣзжаться женихи, что ни на есть со всѣхъ концовъ бѣлаго свѣта... Были тутъ королевичи, были князья, жупаны, кметы—все народъ изъ себя молодой да красивый... Только нѣтъ!.. Заартачилась дѣвица и слышать о нихъ не хочетъ! Видно, больно ужъ ей полюбилась свобода дѣвичья!..

...Все-то она гуляетъ по садику, собираетъ цвѣточки, да любимыя пѣсенки попѣваетъ; а начнутъ ей про жениховъ говорить—разсмѣется! Никого, молвить, я и знать не хочу! Никого!..

...Такъ-то долго издѣвалась она надо всѣми. Одному приказала достать ей живой воды, той воды, что стерегъ семиглавый драконъ. Другому поручила принести золотое яблочко, росшее за горой ледяной. Третій долженъ былъ нанизать на шнурокъ звѣзды небесныя и составить изъ нихъ ожерелье. Всѣ поѣхали исполнять королевнину прихоть, но назадъ никто не вернулся. Перваго проглотилъ драконъ. Второй провалился въ прорубь во льду и былъ съѣденъ рыбами. Третьяго растерзали коршунъ.

...Наконецъ, пріѣхалъ свататься королевичъ Сила, обладавшій могуществомъ волшебства. Увидалъ онъ красавицу, закипѣла въ немъ молодецкая кровь и поклялся онъ—или жизни лишиться, или добыть себѣ королевну въ жены!

...А она, лишь взглянула на новаго жениха, задрожала всѣмъ тѣломъ, заплакала и сейчасъ-же велѣла ему отправляться за синее море, принести оттуда чудодѣйку — траву, воскрешавшую мертвыхъ. Знала, хитрая, что къ травѣ той подступу нѣтъ иного, какъ сквозь страшное пламя, противъ котораго и вода безсильна.

...Королевичъ-то, не будь глупъ, обернулся птицею, сине-море перелетѣлъ, турманомъ надъ огнемъ взвился, захватилъ клювомъ вѣточку и принесъ ее злой красавицѣ. Тутъ случилось, какъ нарочно, умираетъ сынъ короля... Плачутъ всѣ, убиваются... Королевичъ тогда приложилъ траву къ сердцу мертвого, и—покойникъ вскочилъ какъ встрепанный.

— Бѣтъ хочу—я отлично спалъ!—закричалъ королевскій сынъ, протирая глаза.

...А король отъ восторга кинулся жениху на шею и сказалъ своей дочери:

— Ну, теперь ужъ все кончено, ты должна быть его женою!

...Залилась королевна слезами горячими.

— Дѣлать нечего—отвѣчала она:—приказалъ отецъ, надо слушаться... Одного лишь прошу: дайте мнѣ семь разъ хорошенько спрятаться, а женихъ пускай ищетъ... Коль найдетъ, я противъ больше не стану.

...Къ слову молвить,—красавица хоть и вѣдьмой слыла, умѣла и себя и другихъ превращать во что бы ни вздумалось, да королевичъ былъ хитрѣе ея!

...На слѣдующій день королевна, изъ окна своего вылетѣла на дворъ голубкою и летала по немъ вмѣстѣ съ прочими птицами... Эти, впрочемъ, вѣрно, почувствовали чуждый въ ней духъ: каждый разъ, какъ она приближалась къ нимъ, всѣ разлетались сразу и она оставалась одна. Королевичъ, прикинувшись ястребомъ, погнался за ней... Она испугалась, спустилась на землю и превратилась въ дѣвицу... Смотрить, а тутъ-же рядомъ стоитъ красавецъ—женихъ и беретъ ее за руку...

...Опечалившись, затворилась королевна въ своей свѣтлицѣ горько плакала и всю ночь напролетъ продумала, что ей дѣлать теперь?...

...Раннимъ утромъ красавица вышла въ садъ, сѣла на грядкѣ и сдѣлалась лиліею... Вокругъ нея всѣ лиліи были какъ снѣгъ, она одна только,—кровь въ ней просвѣчивала—вся покраснѣла.

...Женихъ съ королемъ также пробрались въ садъ подышать свѣжимъ воздухомъ... Королевичъ горюетъ, не зная гдѣ и какъ онъ отыщетъ свою красавицу...

...Случайно оба остановились у грядки, гдѣ цвѣли, дыша ароматомъ, лиліи; странно имъ показалось: всѣ цвѣты бѣлые — одинъ только розовый!

...Королевичъ сейчасъ-же понялъ причину, приложилъ руку къ стеблю—а тутъ стоитъ дѣвица и плачетъ.

— Узналъ ты меня два раза, третій разъ не узнаешь!

...И бѣжать красавица снова въ свѣтлицу, садится на коврикъ

и плачетъ, плачетъ такъ, что слезы ручьемъ текутъ. Думала крѣпко она всю ночь... На утро открыла окошко и блестящею мушкой помчалась въ синюю даль.

...Долго летала она по воздуху, только страхъ ее сталъ разбивать. Птицы ловко глотаютъ мушекъ; вотъ-вотъ иная такъ и наровитъ поймать ее своимъ клювомъ... Королевичъ, — удалось-ли ему подсмотрѣть, или ему шепнулъ кто-нибудь, — превратился въ огромнаго паука, растянулъ по воздуху огромную наутину и выжидаетъ. Недолго спустя на нее натывается мушка, спасаясь отъ воробьевъ... Паукъ неуклюже карабкается, и... королева стоитъ и плачетъ. Рядомъ съ ней паукъ — королевичъ держитъ ее за бѣлую ручку.

— О, я бѣдная! Узналъ ты меня три раза... Что теперь я начну?..

...По-прежнему плачь и рыданья въ свѣтлицѣ. Сестры стучатся, входятъ и совѣтуютъ огорченной:

— Поплыви ты рыбкою по синему морю... Море широко и глубоко... Тамъ онъ тебя не найдетъ...

...А она все плачетъ безъ устали.

— Узналъ онъ меня три раза, что-же теперь-то я сдѣлаю, куда удачнѣе скроюсь?.. Въ водѣ чудовища есть... Я ихъ боюсь...

...Однако на слѣдующее утро красавица вышла къ морю; она не замѣтила, что женихъ притаился за деревомъ, выслѣживая ее.

...Вотъ нырнула на дно золотая рыбка; слѣдомъ за ней мелькнула серебряная. Куда золотая ни кинется—серебряная рядомъ плыветъ... Толкнулись онѣ другъ о дружку. Королева слышитъ слова:

— Четвертый разъ я тебя отыскалъ, судьба тебѣ быть моею!

...Рыбка превратилась въ дѣвицу, бѣжитъ къ себѣ въ замокъ и снова горюетъ.

...Эта ночь, какъ и прежнія, проходитъ безъ сна. Ужъ солнышко показалось на небѣ, когда королевнѣ въ голову пришла счастливая мысль. Много вѣдь камушковъ на морскомъ берегу... Кто-жъ отличить ее среди нихъ, когда превратится она въ бѣлый камень и незамѣтно уляжется на песокъ? Тотчасъ побѣжала она на берегъ, гдѣ и осуществила то, что задумала.

...Королевичъ ломалъ себѣ голову, стараясь узнать, что теперь придумала королева? Ничего не добившись, онъ въ отчаяніи направился къ морю, желая покончить съ собой. Вдругъ нечаянно наступилъ онъ на камушекъ... А какой прелестный!.. Женихъ наклонился, чтобы взять въ руки находку, а передъ нимъ стоитъ королева и... плачетъ.

— Нашелъ я тебя пятый разъ! — въ безумномъ восторгѣ закричалъ королевичъ.—Ты должна быть моею!

— До семи еще далеко! Найдешь меня за седьмою горой, за седьмою рѣкою!

...Не помня себя отъ гнѣва, дѣвица побѣжала домой и бросилась на полъ въ своей свѣтлицѣ... Горюетъ да плачетъ... Мимо нея пробѣжалъ мышенокъ. Замѣтивъ его, и не долго думая, она обернулась мышенкомъ, спрятавшись въ скважину. Сидя въ ней, красавица думала про себя:

— Вотъ теперь-то ужъ онъ меня не отыщетъ!

...На бѣду ея на окнѣ сидѣлъ воробей и все видѣлъ. Онъ сейчасъ-же порхнулъ къ королевичу, спустился къ нему на плечо и чирикнулъ:

— Дѣвица превратилась въ мышенка и въ ямочку—щелочку спряталась...

...Королевичъ сѣрымъ мурлыкою сталъ, сѣлъ и уставившись выжидаетъ.

...Мышенку ѣсть захотѣлось; замѣтивъ крошки, лежавшія подъ столомъ, онъ задумалъ выйти изъ норки, но только лишь показался—громадный котъ тукъ какъ тутъ:

— А, вотъ гдѣ ты?!

...Королева перепугалась, боясь, что ее проглотятъ; но котъ произнесъ человѣчьимъ голосомъ:

— Узналъ я тебя и въ шестой разъ... Моею навѣрное будешь. Королева упала на полъ, рыдая.

— Охъ! Я несчастная... Горькая моя доля-долюшка... Что-то я стану съ нимъ дѣлать?

...Вотъ въ седьмой-то разъ нужно было придумать ужъ что-нибудь, да особенное. Сбиралися всѣ подружки съ сестрицами, долго думали, долго гадали... Ночь прошла, разсвѣтало, а рѣшить ни на чемъ не рѣшили... Королева заливается — плачетъ съ досады.

Лучше ужъ сразу-то было за королевича замужъ идти, причитаеъ она, чѣмъ семь разъ страдиться, а въ восьмой все-равно воле-не-волей попасть.

...Просышалось солнышко... Что-то будетъ, когда оно выглянетъ?.. Совѣщались сестрицы, наконецъ, порѣшили: превратиться ей въ старую нищенку, безобразную, желтую и съ лицомъ какъ печеное яблоко—вотъ къ примѣру славно-бы я, размѣялась разскащица.—Такъ и сдѣлали. Пошла красавица просить милостыню на большую дорогу, и ужъ такъ-то была увѣрена, что теперь никто ея не узнаеъ.

...Долго ждать ей пришлось... Только видить—ѣдетъ король верхомъ... Что за старуха такая? Велѣлъ подать ей копѣчку и дальше поѣхалъ. А королева и думаетъ про себя: отецъ родной не узналъ—никто не узнаеъ!..

...Ѣдетъ братецъ ея родной, посмотрѣлъ на старуху, захохоталъ...

— Что за вѣдьма такая? Вотъ-то гадкая тварь... Гнать ее прочь съ дороги...

...Поплелась королева къ сторонкѣ, а сама въ душѣ-то и радуется: братъ родной не узналъ и женихъ не узнаеъ...

...Наконецъ, показался верхомъ на конѣ королевичъ-красавецъ... Вѣтеръ ласково треплетъ его золотистыя кудри... Онъ и видить—стоитъ передъ нимъ нищенка старая... Посмотрѣлъ, покосился—бросилъ ей золотое кольцо.

...Королева, со страху, возьми да и перехитри: опасаясь, чтобъ суженый да ея не призналъ, отступила назадъ и закрыла себѣ лицо тряпицею. Что за странность, подумалъ женихъ, надо-быть тутъ не простоа... Подбѣжалъ онъ къ старухѣ, да въ глаза и заглянулъ... А глазъ-то она перемѣнить не умѣла... Свѣтитъ—искрятся точно два солнышка... Взялъ тогда королевну онъ на руки, посадилъ къ себѣ на лошадь.

— Вотъ и седьмой разъ отыскалъ я тебя, теперь отъ меня не отвертись...

...Свадьба была богатая, и я тамъ была, медъ да пиво пила, — окончила свою сказку старуха.

— Такъ-то,—добавила она погода;—суженаго конемъ не объѣдешь!

Выслушавъ сказку, Дива задумалась.

— Эдакъ-то, — заключила Яруха: — может выйти и съ Доманомъ, напрасно его избѣгаешь! Въ расписанной хатѣ-то лучше жить, чѣмъ на островѣ здѣсь, на Ледницѣ...

До-сыта наболтавшись, старуха крехтя поднялась съ мѣста и, ворча что-то подъ носъ, медленно поплелась изъ ограды. Вѣдунья хорошо понимала, что брошенное въ землю зерно иногда подолгу лежитъ притаившись, прежде чѣмъ пустить ростки и созрѣетъ. А Дива долго еще неподвижно сидѣла, окруженная роемъ нахлынувшихъ думъ... Въ ушахъ, словно билъ въ наковальню кто молодомъ, раздавались слова:

— Суженаго конемъ не объѣдешь!..

XXVI.

Кошубы и поморцы, подстрекаемые Лешками, все учащали свои набѣги на полянскія земли. Не успѣютъ, бывало, прогнать одну ихъ орду, глядь — показалась другая, глубже первой проникнувшая въ дотолѣ мирныя дебри славянъ. Вскорѣ кметы окончательно сбились съ толку, не зная откуда и ждать врага. То являлись поморцы съ сѣвера, то внезапно нападали съ востока... Съ той-ли, съ другой стороны — угадать равно не представлялось возможности.

Старшины, между тѣмъ, по-прежнему собирали вѣче за вѣчемъ, спорили, ссорились, а рѣшать ни на чѣмъ не рѣшали. Выборъ князя имъ какъ кладъ не давался. Не выискивался глава — не нашлось и руки, умѣвшей-бы отразить враговъ.

Всѣ разбѣгались куда попало.

Увѣренность въ постоянной опасности загоняла людей въ самую глушь лѣсовъ; въ свою очередь голодь ихъ гнала оттуда. Разоренныя нивы стояли пустыми.

Теперь являлись даже такіе, что жалѣли Хвостка. Мышки, — говорили они: — хороши лишь на то, чтобъ разрушить, создать-же они ничего не умѣютъ. Раздоры, общая неурядица грозила затянуться надолго, какъ однажды вечеромъ, послѣ особенно бурной сходки, по обыкновенію, окончившейся ничѣмъ — къ мѣсту, гдѣ стояли старшины, подошло двое какихъ-то людей. Нѣкоторые изъ бывшихъ у Пяста на торжественномъ празднествѣ постриженія —

сейчасъ-же узнали ихъ. Это были два чужеземца, изъ которыхъ одинъ благословилъ Земовида. А такъ-какъ кметы какъ-разъ, въ моментъ ихъ прибытія, готовились ужинать, то одинъ изъ Мышковъ пошелъ навстрѣчу гостямъ и пригласилъ ихъ къ общественному костру. Чужеземцы, приблизившись къ кметамъ, привѣтствовали ихъ во имя Единого Бога.

Передъ прибывшими сейчасъ-же поставили калачи и мясо, пиво и медъ. Мяса въ этотъ день они не хотѣли трогать, довольствуясь хлѣбомъ и нѣсколькими глотками пива.

Младшій гость, замѣтивъ хмуря лица кметовъ, любопытствовалъ узнать о причинѣ подобнаго настроенія духа, а кстати ужъ и о томъ, почему полянамъ вообще не ладно, да трудно живется.

— Какъ-же иначе могло-бы и быть,—отвѣтилъ старый Стиборъ.—Едва мы успѣли одно зло уничтожить, какъ нажили другое. Иго неволи сбросить-то сбросили, а порядка завести не умѣемъ. Дѣло не трудное—свергнуть тирана! Труднѣй замѣнить его лучшимъ! Вонъ насъ враги въ конецъ раззоряютъ, а развѣ мы можемъ отбиться?

— Да,—въ раздумьи сказалъ чужеземецъ,—нехорошее дѣло, если во время войны не имѣть вождя... Много мы разныхъ странъ и народовъ видѣли, отъ Дуная вплоть по Лабу и Одеръ, а такой не встрѣчали, въ которой-бы не было короля или князя, вождя или главы!.. Что-жъ за причина, однако, что вы до сихъ никого надъ собой не поставите?

— А причина такая,—отвѣтилъ Стиборъ:—что каждому хочется быть вождемъ... и всякій боится, что какъ выберетъ себѣ равнаго княземъ, такъ этотъ, пожалуй, начнетъ притѣснять не хуже прежняго владыки...

Гость задумался-было, но затѣмъ продолжалъ:

— Если у васъ, межъ богатыми и вліятельными, не можетъ выйти согласія, въ виду того, что одинъ другому завидуетъ, одинъ другого боится,—отчего-бы вамъ не избрать человѣка бѣднаго, незначительнаго, но извѣстнаго вамъ по честности, по уму, по способностямъ?

Мгновенно всѣ замолчали. Кметовъ, видимо, поразило то обстоятельство, что мнѣніе человѣка имъ чуждаго, совпало въ точ-

ности съ мнѣніемъ боговъ, слышаннымъ Визуномъ въ храмѣ. Они удивленно переглянулись, и Стиборъ спросилъ:

— А тебѣ развѣ ворожея кака-нибудь сказала, что избрать вамъ себѣ въ князья слѣдуетъ „малаіо“?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ гость:—но, кто будучи бѣднымъ сѣумѣлъ прожить честно, снискать себѣ любовь и уваженіе другихъ, тотъ и при условіяхъ богатства и власти навѣрное не измѣнится...

Товарищъ его прибавилъ:

— Вѣдь и тотъ, у кого мы гостили во время празднества постриженія отрока-сына, — человѣкъ не богатый, а вѣдь всѣ вы его уважаете. Отчего-бы не избрать его княземъ?.. Умъ у него обширный...

— Пясть!..—въ одинъ голосъ крикнули кметы.—Пясть!..

И—точно въ первый разъ слышали это имя—всѣ начали о немъ говорить...

Между тѣмъ наступили сумерки. Чужеземцы, простившись съ кметами и поблагодаривъ ихъ за угощеніе, уѣхали, чтобы пораньше успѣть себѣ пріискать ночлегъ.

Кметы еще долго совѣщались, а нѣкоторые изъ нихъ прямо съ вѣча направились къ Пястовой хижинѣ.

Старикъ стоялъ у воротъ, осматривалъ табунъ, вернувшійся съ поля. Лошади при видѣ своего господина весело ржали. Не веселъ былъ только хозяинъ. Съ тѣхъ поръ, какъ только побывали у него чужеземцы, а также со времени низверженія послѣдняго князя, мысли, одна другой неотвязчивѣе, бродили у него въ головѣ, не давая ему покоя.

Стиборъ, Волько и Мышко подѣхали къ воротамъ, сошли съ лошадей и окружили хозяина, оживленно его привѣтствуя.

— Радъ гостямъ,—произнесъ радушно старикъ:—зайдите въ избу отдохнуть... Угостить только васъ, право, ничѣмъ особеннымъ не могу! Дома-то найдется не многое!.. Хлѣбъ, впрочемъ, есть... Что-жъ, привезли хорошія вѣсти? Выбранъ князь, или все еще нѣтъ?

Гости вздохнули, посмотрѣвъ другъ на друга.

— Князя у насъ и по сю-пору нѣтъ, свободы-же черезъ-край... А тѣмъ временемъ, голодные поморскіе волки жгутъ наше добро, раззоряютъ землю; нѣтъ ни силъ, ни умѣнья обороняться... Просто

дышемъ едва... Проклятые Лешки все новыхъ поморцевъ на насъ насылають... Время уходить...

Болько прибавилъ:

— А ты, по прежнему, ухаживаешь за пчелами и не хочешь къ намъ заглянуть, чтобы подать добрый совѣтъ? Твое слово имѣло-бы вѣсъ и значеніе передъ людьми...

— Можно-ли словомъ оказать помощь тамъ, гдѣ ужъ и кровь заговорила, да и ея не послушались?—возразилъ Пясть.—Я малый, убогій человѣкъ...

Эти слова, услышанные впервые изъ устъ Визуна, затѣмъ повторенные чужестранцами, а теперь и самимъ Пястомъ, показались кметамъ, какъ-бы предопредѣленіемъ судьбы.

— Я человѣкъ малый и бѣдный!..

Словно боязнь какая-то овладѣла ими; имъ чудилось, — боги требуютъ, чтобы Пясть, а не кто иной, избранъ былъ княземъ.

— Завтра...—началъ Болько: — послѣдній день настоящаго вѣча... Не можетъ быть... Не допустимъ мы этого, чтобы тебя не было съ нами. Мы за тобой пріѣхали, ты долженъ съ нами идти... всѣ тебя просятъ, зовутъ... Не захочешь пойти, вѣче снова ничѣмъ не окончится, жалобы всѣхъ падутъ на тебя...

Старикъ оставилъ эти слова безъ отвѣта.

Кметы хотѣли-было возобновить свои настоянія, какъ у порога остановился блѣдный, еще не вполне оправившійся Доманъ, прямо прибывшій съ Ледницы.

По лицу его видно было, сколько онъ выстрадалъ. Кметы, слыхавшіе уже о его приключеніяхъ, немедленно окружили интереснаго гостя, желая узнать, что съ нимъ произошло и какъ онъ сумѣлъ спастись отъ поморцевъ.

Доманъ имъ все рассказалъ, показывалъ свои раны и заклиналъ рѣшиться немедленно, жестоко отомстить врагамъ.

— Если вы и теперь не выберете себѣ вождя, — такъ заканчивалъ онъ обстоятельный рассказъ своихъ приключеній, — то всякій пойметъ, что остается заботиться лишь о цѣлости своей собственной шкуры... Соберутся вооруженныя шайки, и сильнѣйшій надѣнетъ ярмо на всѣхъ... Да я первый соберу какъ можно больше людей и тогда, — пусть и скоть пропадетъ, пусть земля поростаеетъ быльемъ, пусть расхитятъ все волки!.. Мы должны возстать на

нашихъ мучителей, должны найти ихъ гнѣздо, съ корнемъ вырѣзать это подлое племя, чтобъ хоть разъ, наконецъ, вздохнуть по-свободнѣе!..

Долго велись еще разговоры въ подобномъ тонѣ; наконецъ усталость взяла свое: всѣ разбрелись по угламъ и минутъ черезъ пять ужъ храпѣли.

На слѣдующій день, чуть-свѣтъ, Пясть изготовилъ корзину, чтобы идти съ нею въ лѣсъ. Болько и Стиборъ замѣтили это и, взявъ старика за руки, сказали ему:

— Ты непременно долженъ сопровождать насъ сегодня. Всѣ того требуютъ, а слушаться воли народной каждый обязанъ. Пусть и Доманъ поѣдетъ съ нами, онъ покажетъ тамъ свои раны, подробно о томъ повѣдаетъ, о чемъ всѣмъ любопытно послушать...

Старикъ все еще не хотѣлъ согласиться.

— Мое дѣло пчелы, а не вѣче,—уклонялся онъ.

Но на этотъ разъ никакихъ отговорокъ не приняли: волей-не-волей пришлось уступить.

Разбудивъ тѣхъ, которые еще отдыхали,—вчерашніе собесѣдники вскочили на лошадей и отправились къ столбу, гдѣ съ нетерпѣніемъ ждали ихъ кметы. Челядь Пяста давно ужъ ушла на работу, а потому съ нимъ поѣхалъ сынъ его Земякъ, сопровождавшій отца, на случай ухода за лошадьми.

Въ то утро, вѣче обѣщало быть особенно многолюднымъ: множество кметовъ виднѣлось уже у столба, а кромѣ того, безпрестанно подходили и новые. Распространившійся слухъ, что нѣмцы опять готовятся къ нападенію на полянскія земли, не мало способствовалъ многолюдству собранія.

Въ ожиданіи начала вѣча, кметы сидѣли кучками на травѣ, когда Стиборъ, Болько, Мышко, Пясть и Доманъ явились. Замѣтивъ старика, въ простой, домашняго издѣлія сермягѣ, подходившаго къ нимъ, всѣ—словно по чьему приказанію—встали. Воля боговъ—съ одной, сѣдые волосы Пяста съ другой стороны, были тому причиною.

— Отецъ нашъ, дай намъ добрый совѣтъ, иначе мы всѣ погибнемъ!—послышались съ разныхъ концовъ голоса.—Мы ужъ достаточно говорили, говори теперь ты; дай намъ добрый совѣтъ отецъ!

— Или вы сами не знаете, что вамъ нужно?—спросилъ Пясть.—Новаго вамъ я вѣдь ничего не скажу! Прежде всего нужно согласіе, да скорѣй выбрать князя! Сжались-же наконецъ, надъ самими собой, да надъ дѣтьми нашими! Безпорядокъ царить среди насъ... Заводите порядокъ!

Вѣчевое поле замолкло. Всѣ, казалось, обдумывали...

Вдругъ одинъ изъ старшинъ, по прозванію Кракъ, представитель древняго княжескаго рода, грозно поднялся съ мѣста, снялъ колпакъ съ головы и, махая имъ въ воздухъ, полною грудью крикнулъ:

— Этому быть нашимъ княземъ! Избираемъ Пяста!

Мгновенная тишина и—земля дрогнула отъ единодушнаго восклицанія:

— Пяста! Пяста!

— Пясть да княжить надъ нами! Кровь наша!..

И среди кметовъ не нашлось ни одного, который не повторилъ-бы этого восклицанія, который-бы воспротивился общему выбору...

Старикъ отступилъ назадъ, сдѣлавъ руками движеніе, какъ-бы желая отстранить отъ себя голоса, раздававшіеся все громче и громче, все радостнѣе.

— Я простой человѣкъ и бѣдный, за пчелами ухаживать мое дѣло, но и только,—сказалъ Пясть:—я людьми управлять не умѣю... Старъ я, и рука у меня слабая... Выберите другого, не смѣйтесь надъ старикомъ!

Сказавъ, Пясть кивнулъ головою сыну, стоявшему въ сторонѣ, послѣ чего, не успѣли еще кметы сообразить, что онъ намѣревается дѣлать,—вскочилъ на коня и, сопровождаемый сыномъ, вихремъ помчался по направленію къ лѣсу.

Кметы тотчасъ-же бросились къ лошадямъ, но Пясть тѣмъ временемъ успѣлъ ускакать далеко... И тогда впервые представилось чудное зрѣлище: около сотни всадниковъ неслось, сломя голову, за избраннымъ княземъ, а оставшіеся на городищѣ кметы клялись, что до тѣхъ поръ не тронутся съ мѣста, пока князь не вернется и не признаетъ народной воли. Догонявшіе Пяста неслись, не теряя его изъ вида, но имъ удалось поймать только сына, лошадь котораго не могла поспѣть за отцовскимъ конемъ

и нѣсколько поотстала. Пойманный, не вѣдая цѣли настоящей погони, опасаясь притомъ за отца, съ испугу ударился въ слезы.

Пясть, примчавшись къ лѣсной опушкѣ, мгновенно скрылся отъ кметовъ, которые только теперь убавили шагъ, надѣясь найти старика въ его хижинѣ.

Но, къ удивленію преслѣдовавшихъ, напрасно они разспрашивали: никто ничего не слышалъ о Пястѣ... Старикъ, какъ потомъ оказалось, бросилъ лошадь въ лѣсу и, не заходя домой, отправился на свой пчельникъ. Лошадь прибѣжала одна, по привычкѣ толкнулась въ ворота и ждала, чтобы ихъ открыли.

Поклявшіеся не расходиться съ вѣча, пока не вернется ихъ князь—кметы три дня искали Пяста въ лѣсу, но никакъ его не могли найти.

Тѣ, что раньше мечтали добиться власти, теперь и понять не умѣли, какъ возможенъ такой человѣкъ на свѣтѣ, который—бѣдный, ничтожный—бѣжитъ отъ того, что для нихъ—богатыхъ и сильныхъ—казалось предѣломъ возможнаго счастья!

Пястова сына кметы не отпускали, держа его какъ заложника, надѣясь хоть этимъ принудить старика воротиться. Онъ не являлся однако. Такъ промелькнуло шесть дней. Наконецъ, какъ-то разъ забрела на городище вездѣсушая, вѣчно-странствующая Яруха.

Слуги, стоявшіе въ сторонѣ и стерегшіе лошадей, рассказали вѣдунѣ, что Пясть укрывается гдѣ-то въ лѣсу, но что его не могутъ найти, несмотря ни на какія старанія. Старуха смѣялась, не будучи въ силахъ повѣрить, чтобъ такое количество ищущихъ не могло отыскать одного человѣка!

Она пошла къ Стибору, къ старшинамъ, но они не только говорить, даже взглянуть на нее не хотѣли.

— А я его приведу сюда,—сказала она.—Наврядъ-ли кто лучше меня знаетъ наши лѣса... Не разъ мнѣ случалось ночевать и съ медвѣдемъ подъ одною колодою... Я его отыщу...

Чѣмъ больше надъ ней смѣялись, тѣмъ упрямѣе продолжала она стоять на своемъ... Такое упрямство Ярухи невольно заставило многихъ подумать, что, быть можетъ, она и дѣйствительно кое-что знаетъ, а потому Собѣславу и Болько поручено было слѣдить за ней.

Чуть-свѣтъ старуха отправилась въ лѣсъ. Ея приставники съ трудомъ пробирались тамъ, гдѣ она, повидимому, чувствовала себя какъ дома. Около полудня старуха присѣла на пенъ отдохнуть, вынула изъ котомки хлѣба и, на-скоро утоливъ голодъ, снова тронулась въ путь. Долго шли такимъ образомъ Яруха и спутники; наконецъ добрались до какой-то насыпи, покрытой густою, сочною травой. Въ этой насыпи были ворота, или вѣрище—иѣчто въ-родѣ входа на старое городище. Яруха нырнула туда, спутники приостановились и слѣдили за нею глазами.

Въ самомъ отдаленномъ углу, въ мѣстѣ, гдѣ сходились двѣ насыпи, виднѣлся шалашъ, а въ немъ на кучѣ сухихъ листьевъ сидѣлъ Пясть. Старикъ плелъ изъ тонкихъ лыкъ лапти...

Увидя Яруху, Пясть испугался.

Она поспѣшила заговорить:

— Наконецъ-то нашла я тебя,—такъ-таки и нашла!.. Тамъ люди всѣ головы растеряли отъ ожиданія! А сынъ твой заливается—плачетъ, потому его словно въ плѣну содержать! Сжался надъ ними, надъ своимъ сыномъ, и возвращайся!

Не давая отвѣта, Пясть махнулъ ей рукою, чтобъ замолчала. Болько и Собѣславъ вошли на городище, кланяясь своему князю...

Увидѣвъ ихъ, старикъ сдѣлалъ жестъ, полный отчаянья...

— Насъ за тобою послали,—сказалъ первымъ Болько;—всѣ кметы ждутъ твоего прибытія... умоляютъ тебя... Возвратись,—такова ужъ воля боговъ! Мы одни не уйдемъ отсюда...

Затѣмъ, оба начали умолять старика. Тотъ долго молчалъ, наконецъ отвѣтилъ:

— Дѣлать нечего, иду съ вами!

Яруха, присѣвшая на землю въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія, сѣялась.

— Это я тебя, милостивый князь, нашла здѣсь; безъ меня гдѣ-бы имъ отыскать!.. Пусть-же люди узнаютъ, что и старуха на что-нибудь пригодилась... Цѣлый мѣсяцъ они бы искали тебя напрасно, еслибъ не я!

Собѣславъ, Болько и Пясть, уже не противившіеся, покинули городище; осталась одна Яруха, которая такъ истомилась, что, разувши старыя ноги, тутъ-же легла вздремнуть.

Пясть теперь самъ повелъ своихъ спутниковъ къ небольшому лужку, гдѣ взяли лошадей у пастуха, пасшаго здѣсь свое стадо. Однакожъ, по причинѣ непроницаемой лѣсной чащи, имъ удалось добраться до Пястовой хижины лишь далеко за полночь. Собекъ, дожидавшійся ихъ прибытія, сейчасъ-же отправился къ кметамъ съ извѣстіемъ, что князя нашли и завтра его приведутъ.

За ужиномъ Пясть не проронилъ ни единого слова. На утро, чуть-свѣтъ, Болько ужъ сторожилъ своего князя, который, однако, не сопротивляясь нисколько, сѣлъ на лошадь.

Старшины вышли ему навстрѣчу.

— Князь милостивый!—началь Кракъ, простирая къ Пясту обѣ руки:—почему оставилъ ты насъ? Вѣдь не по нашей волѣ, а по волѣ боговъ избранъ ты княжить и управлять нами! Одного лишь тебя кметы единодушно согласились признать надъ собою!

— Я считалъ и считаю себя недостойнымъ почести, выпавшей мнѣ на долю... Силъ для этого у меня не хватитъ, — взволнованно отвѣчалъ Пясть:—я боюсь власти. Сжальтесь же надо мною! Я бѣденъ, но въ бѣдности знаю, что слѣдуетъ дѣлать, принявши же власть въ свои руки, буду-ль знать какъ управиться, не употреблю ли ее я во зло?

Вмѣсто отвѣта раздались крики:

— Пяста! Пяста!

Въ эту минуту кметы раздвинулись, и два незнакомца бывшіе гости Пяста, остановились предъ старикомъ. Они высказали привѣтствіе, дружески улыбаясь.

— Мы пришли еще разъ, чтобы на мужа праведнаго призвать святое благословеніе единого Бога!

Радостные возгласы заглушили ихъ. Всѣ, до послѣдняго чело-вѣка, веселились и поздравляли Пяста. Мышки, какъ видно заранѣе озаботившіеся приготовить для себя княжескій колпакъ съ перомъ, подошли къ новому властелину и отдали ему этотъ знакъ господства; а младшій изъ чужеземцевъ, сдѣлавъ надъ нимъ таинственный знакъ рукою, возложилъ его на сѣдую голову старика.

Восклицанія, крики, шумъ неслись отовсюду. Старикъ долго стоялъ посреди ликующихъ кметовъ, задумавшись.

— Вы видѣли всѣ, — наконецъ произнесъ онъ, — что я и не желалъ власти и не гонялся за ней! — Вы принудили меня взять

ее и—что-жъ дѣлать?—я ее принимаю! Я всѣми силами постараюсь воспользоваться ею такъ, чтобы она явилась источникомъ общаго спокойствія и порядка, чтобы она повсюду внесла справедливость; но, если вы сами заставите меня быть суровымъ, я буду неумолимъ и строгъ... Не забывайте: меня принудили сдѣлаться княземъ, силой заставили княжить надъ вами!..

— Повелѣвай и господствуй!—раздались голоса со всѣхъ сторонъ.—Пусть будетъ по твоему! Каждое твое слово должно исполняться!

Стиборъ, поклонясь въ ноги князю, сказалъ:

— Мы только и просимъ: будь намъ отцомъ, какимъ ты былъ для своихъ пчелъ!

Успокоившись нѣсколько, кметы замѣтили, что у князя, вновь избраннаго, не достаетъ меча. Стиборъ ему отдалъ свой, другой кметъ подалъ Пясту бѣлую, длинную палку.

Кметы обратились съ просьбою къ иноземнымъ гостямъ, чтобы они благословили и мечъ, и палку, на что тѣ съ охотою изъявили согласіе. При этомъ гости изображали руками какіе-то знаки и что-то шептались. Кметы считали ихъ пришедшими изъ-за моря колдунами.

Пясть долго еще, какъ-бы испуганный тѣмъ, что съ нимъ такъ внезапно случилось, не могъ успокоиться; наконецъ обратился онъ къ окружающимъ его старшинамъ со словами:

— Воля боговъ и ваша да совершатся! Вы избрали меня, вы и помогать мнѣ обязаны!

Словно къ родному отцу, всѣ стремились подойти къ старику, обнять его колѣни, хоть поближе взглянуть на него. Теперь его всѣ упрекали, что будто-бы, убѣгая въ лѣсъ, онъ умышленно оставлялъ ихъ сиротами. Первый разъ Лешки и Мышки сошлись во взглядахъ, не спорили между собою, не завидовали другъ другу.

Между тѣмъ Земекъ, которому кметы вернули свободу, приближалъ къ отцу, бросился цѣловать его ноги; а потомъ, вскочивъ на первую попавшуюся ему лошадь, помчался къ матери съ радостнымъ извѣстіемъ.

Старуха мать послѣ отъѣзда мужа принялась за хозяйство, и прискакавшій сынъ засталъ ее за работою. Узнавъ отъ сына о

всемъ происшедшемъ, она было сперва заплакала отъ радости, какъ ребенокъ, но тутъ-же и опечалилась, вспомнивъ, что тихой, мирной ихъ жизни пришелъ конецъ, что впереди предвидится жизнь, полная тревогъ и опасностей. Старуха обняла своего сына, прижала его къ груди, и слезы ручьемъ полились изъ старческихъ глазъ...

Часть, другой веселились кметы; но время не ждало, нужно было думать, что предпринять, или, вѣрнѣе, освѣдомиться о намѣреніяхъ Пяста, что онъ имъ дѣлать прикажетъ.

— Прежде всего надо покончить съ однимъ,—сказалъ Пясть:— у кого найдется хоть капля силы и мужества—тотъ пусть садится на коня. Пока страна не избавится отъ войны—важнѣе послѣдней ничего быть не можетъ. И такъ за дѣло, у кого силы есть! Пускай старшины соберутъ людей и приводятъ сюда!

Раздались крики:

— На коней!

Это было первое слово и первое повелѣніе князя.

Пясть немедленно учредилъ свой совѣтъ изъ нѣсколькихъ болѣе опытныхъ старшинъ, остальныхъ назначилъ воеводами въ разныхъ частяхъ полянской земли.

Кто-то предложилъ разрушенное жилище Пепелковъ снова возстановить, окружить заборомъ и основать здѣсь замокъ, какой подобааетъ князю.

— Нѣтъ!—возразилъ князь:—это мѣсто поганое... Я не хочу жить на мѣстѣ, гдѣ воспоминанія и развалины Хвостека могли-бы возстать преградою между вами и мною. Тамъ будетъ мой градъ и мой замокъ, гдѣ первый разъ побѣдимъ врага... Пускай этотъ столбъ остается навѣки, пускай онъ будетъ свидѣтельствомъ, какъ гибнетъ несправедливость... Поганое это мѣсто! Да заростетъ оно травой и сорнымъ быльемъ!

Теперь ужъ Пясть не одинъ, а въ сопровожденіи дружины, не хотѣвшей ни на шагъ отступить отъ него—вернулся въ свою бѣдную хижину... Долго не смолкавшіе крики раздавались вслѣдъ уѣзжавшему съ городища князю...

Чужеземцы куда-то исчезли. Ихъ всюду искали, но понапрасну хотя, и никто не замѣтилъ какъ они удалились.

Когда князь со своею дружиной остановился у воротъ, веду-

щихъ въ его убогую хижину, жена его, все еще горько плакавшая, вышла ему навстрѣчу. Примѣръ прежнихъ князей сильно ее тревожилъ, она опасалась и за судьбу своего мужа. Припадъ къ его ногамъ, старуха громко рыдала.

— Милостивая княгиня!—обратился къ ней Пясть:—приготовь, что только есть у насъ лучшаго, разставляй столы!.. Не допустимъ почтившихъ меня своимъ выборомъ уйти изъ нашего дома голодными.

Между тѣмъ, послѣднее легко могло-бы случиться, если-бы не окрестные кметы, явившіеся, какъ только прослышали объ избраніи Пяста, съ дарами къ его женѣ. Всѣ знали, что новый князь не богатъ, и хотѣли ему помочь. Потому-то всего оказалось вдоволь.

Со всѣхъ сторонъ сбѣгавшіеся люди окружили хижину Пяста, привѣтствуя его веселыми криками и различными пожеланіями.

По всей окрестности, точно въ праздникъ Купалы, видѣлись зажженные костры... Всю ночь молодые парни перебѣгали съ одного двора на другой, оглашая радостное событіе. Съ каждой минутой возрастало число сходящихся кметовъ. Они-же потомъ разбрелись повсюду, неся приказаніе собирать людей на врага...

Не прошло съ тѣхъ поръ и полъ-мѣсяца, а ужъ озеро окружали цѣлыя тысячи молодыхъ ратниковъ, готовыхъ по первому слову князя тронуться на защиту страны. Пясть съ воеводами ежедневно разставлялъ, обучалъ ихъ, приготавливая къ военнымъ дѣйствіямъ.

Поморцы и кошубы, разоривъ большія пространства земли, съ богатою добычею и плѣнными, — вернулись домой. Тѣмъ не менѣе, всѣ были увѣрены, что Лешки успокоились не надолго и не сегодня-завтра соберутъ новую рать.

Посланные къ границѣ развѣдчики принесли извѣстіе, что поморцы, дѣйствительно, подумываютъ возобновить нападеніе.

Но теперь никто ужъ ихъ не боялся; напротивъ, всѣ съ нетерпѣніемъ ждали появленія враговъ.

XXVII.

Вѣсть объ избраніи Пяста съ быстротой молніи облетѣла дальнихъ и ближнихъ кметовъ. Всѣ изумлялись; и чѣмъ дальше тѣмъ разнообразіе передавали подробности этой странной воли боговъ. Всѣ были глубоко убѣждены, что происшедшее случилось по волѣ силъ, управляющихъ міромъ... Чужіе люди, до того никому неизвѣстные, явились какъ-бы нарочно затѣмъ, чтобы высказать слово, которому богатые и могущественные не посмѣли противиться; по этому слову, бѣднаго старика, никогда не мечтавшаго сдѣлаться княземъ, бѣжавшаго даже отъ власти, силой заставили покориться желанію народа.

Одни только Лешки и ихъ сторонники не казались довольными—они опасались мести за прошлое.

Старый Милошъ всего только разъ былъ на вѣчѣ. Вмѣстѣ со слѣпымъ своимъ сыномъ, онъ заперся въ домѣ своемъ, окружилъ его стражею и никуда не показывался.

Милошъ лелѣялъ теперь одну лишь надежду, что авось онъ дождется внука, который сдумаетъ осуществить всѣ его прежнія затаенныя пожеланія. Родители подыскиали дѣвицу, на которой женили слѣпого своего сына. Старуха мать неуспынно пеклась о юной четѣ, зорко слѣдя за ними. Молодые—женѣ было всего пятнадцать лѣтъ—играли какъ дѣти. Жена Лешка, Вѣлка, по цѣлымъ днямъ пѣла разные пѣсни, Лешекъ бренчалъ на гусляхъ, а мать забавляла ихъ старыми сказками про богатырей. Втроемъ проводили они цѣлые дни на дворѣ, забравшись подъ тѣнь вѣковыхъ дубовъ. Очень рѣдко заглядывалъ къ нимъ чужой человѣкъ, а еще рѣже рѣшались впустить его въ хижину. Старшины, сопровождаемые Бумиромъ, пытались-было повидаться съ Милошомъ. Онъ всего одинъ только разъ велѣлъ открыть имъ ворота и заявилъ, что онъ ни во что не будетъ и не желаетъ вмѣшиваться; когда-же они вторично зашли, то велѣлъ имъ сказать, что и видѣться съ ними не хочетъ.

Въ одинъ изъ первыхъ дней, послѣ избранія Пяста, когда Лешки не на шутку дрожали за себя и за своихъ приближенныхъ, кто-то постучался въ ворота.

Старикъ Милошъ лежалъ въ это время,—а былъ уже полдень—подъ дубомъ. Неподалеку отъ него, подъ другимъ, сидѣли Лешекъ съ женою и съ матерью. Когда послышался стукъ, медвѣдь, отдохавшій у ногъ своего господина, поднялъ голову и началъ ворчать; собаки залаяли, всѣ домашнія птицы затѣяли страшный переполохъ. Караулившій у воротъ человекъ взобрался на вышку, съ цѣлью взглянуть, кто стучится...

У воротъ стояло двое людей, чрезвычайно бѣдно одѣтыхъ. Почему-то они старались скрыть свои лица. По голосу и тѣлодвиженіямъ—лицъ онъ видѣть не могъ—сторожъ догадался, что были пришедшіе посѣтить князя. Незвѣстные требовали, чтобы ихъ впустили во дворъ.

— Князь боленъ—никого не велѣлъ къ себѣ допускать...

Напрасно они кричали, ругались, сторожъ рѣшительно былъ неумолимъ.

Наконецъ, одинъ изъ нихъ снялъ съ пальца большое кольцо и потребовалъ, чтобы сторожъ сейчасъ-же показалъ его князю, а затѣмъ отворилъ ворота.

Сторожъ съ кольцомъ въ рукѣ подошелъ къ Милошу и, кланяся въ ноги, исполнилъ данное ему порученіе.

Милошъ осмотрѣлъ кольцо, которое состояло изъ двухъ частей, соединенныхъ небольшою цѣпочкой,—вздохнулъ, украдкой стеръ навернувшуюся слезу и, приказавъ удалиться семейству, велѣлъ впустить гостей.

Вскорѣ оба незнакомца вошли во дворъ. Здѣсь, словно по мановенію волшебнаго жезла, они выпрямились, подняли головы и вдругъ отъ нихъ не осталось ничего похожаго на тѣхъ бѣдняковъ, которыхъ они такъ ловко изображали еще минуту тому назадъ.

То были—Лешекъ и Пепелекъ, сыновья Хвостека.

Милошъ привсталъ, но не сдѣлалъ и шагу на встрѣчу. Когда гости остановились предъ нимъ, старикъ привѣтствовалъ ихъ рукою и сталъ ждать, что услышитъ.

Старшій заговорилъ первымъ:

— Добрались мы къ тебѣ, князь, не безъ труда и опасностей... Насъ, дѣтей властелина этой земли, словно дикихъ звѣрей гонятъ, выслѣживаютъ... А ты заперся здѣсь, тебѣ и въ голову не при-

ходить стоять за права своего семейства, своего рода... Мы пришли заставить тебя намъ помочь и дать намъ своихъ людей!..

Милошъ смѣрялъ обоихъ бѣшеннымъ взглядомъ и глухо спросилъ:

— Вы?.. Заставить?... Меня?..

— Да, — продолжалъ старшій: — да! Здѣсь, послѣ смерти отца моего, властелинъ—это я!.. И земли, и тебя самого... И конечно ужъ роднымъ-то, да кровнымъ своимъ, я не позволю идти мнѣ на перекорь! Этого я допустить не могу!

Милошъ не промолвилъ ни слова, хотя глаза его горѣли страшнымъ огнемъ. Медвѣдь заворчалъ, почуявъ чужихъ людей. Онъ, казалось, только и ждалъ приказанія познакомиться съ ними поближе.

— Мы должны, — опять началъ старшій, не дождавшись отвѣта: — получить обратно и землю, и нашъ родовой замокъ! Прямая обязанность всѣхъ Лешковъ намъ въ этомъ помочь... Эту сволочь, что теперь поднимаетъ голову, нужно какъ можно скорѣй истребить, вырвать съ корнемъ!..

Князь по-прежнему все молчалъ.

— Мы явились сюда спросить у тебя: за кого ты — за насъ, или за эту подлую чернь?

По лицу Милоша было замѣтно, что онъ сдерживался съ величайшимъ трудомъ. Всего его нервно подергивало, руки тряслись...

— Ни за васъ, ни за нихъ, — разразился онъ наконецъ. — Васъ я знать не хочу... Вы вотъ оба стоите тутъ предо мной живые, здоровые, а сыновья мои гдѣ?.. Какъ посмѣли вы только войти сюда!.. Вы... вы знаете-ли, что вашъ отецъ одного моего сына жизни лишилъ, другого велѣлъ ослѣпить?.. Или пришли вы ко мнѣ напомнить, что кровь моихъ дѣтей требуетъ отомщенія? Что и мнѣ поступить съ вами слѣдуетъ такъ: одного приказать убить, а другому вырвать глаза, съ тѣмъ, чтобъ бросить ихъ псамъ на съѣденье?..

Молодые князья испугались и невольно взяли за мечи.

Старика раздражали ихъ цвѣтушія лица. Гнѣвъ его возрасталъ.

— Вы являетесь сюда, чтобы мною повелѣвать!.. Меня заста-
влять дѣлать то, что хотите вы?.. Вы... меня!..

Старшій Хвостековъ сынъ весь даже покраснѣлъ отъ злости.

— Право свое унаслѣдовалъ я отъ отца!—крикнулъ онъ, топ-
нувъ ногою, и гордо взглянулъ въ лицо старику.—Я тебѣ прика-
зываю вступиться за нашъ родъ, который и твой вмѣстѣ съ тѣмъ.
Если отецъ мой счелъ нужнымъ убить твоего сына, то потому,
что тотъ оказался мятежникомъ; если другой поплатился зрѣ-
ніемъ—такъ и вѣдь онъ тоже вздумалъ подражать-было брату!..
Будь доволенъ и тѣмъ, что хоть этотъ остался живъ!..

Тутъ Милошъ неожиданно выпрямился, дрожащей рукою схва-
тилъ висѣвшій всегда у него на поясѣ рогъ и затрубилъ.

Со всѣхъ сторонъ стали сбѣгаться слуги.

Сыновья Хвостека обнажили мечи, готовясь къ защитѣ.

Первымъ изъ слугъ прибѣжалъ старый княжескій смердъ; Ми-
лошъ обратился къ нему съ приказаніемъ:

— Связать этихъ людей... и бросить въ темницу!..

— Связать насъ?—вскрикнулъ старшій и кинулся къ ста-
рику.—Ты осмѣлишься?..

— Сами того захотѣли... Не къ чему было мнѣ попадаться
въ руки!.. Я долженъ отомстить вамъ за кровь моихъ сыновей...
Кровь требуетъ крови!.. Одинъ изъ васъ долженъ погибнуть, дру-
гому велю выколоть глаза...

Милошъ обратился къ слугамъ:

— Связать ихъ!.. Въ темницу!

И, несмотря на отчаянное сопротивленіе, люди Милоша свя-
зали обоихъ князей.

На дворѣ поднялся ужасный шумъ.

Женщины выбѣжали изъ дому, собаки надрывались отъ лаю,
медвѣдь всталъ на заднія лапы и готовился къ нападенію. Свя-
занныхъ Лешка и Пенелка увели въ темницу.

Темница, собственно, была огромная, вырытая въ землѣ яма,
которую зарывали камнемъ большихъ размѣровъ, точно колодезь.
Въ эту-то яму и бросили обоихъ сыновей Хвостека.

Затѣмъ, княжескій дворъ принялъ прежній, спокойный видъ.
Одинъ лишь старый князь не могъ успокоиться, онъ быстро хо-
дилъ взадъ и впередъ. Видно было, что въ немъ кипѣла внутрен-

ная борьба: то онъ рвалъ на себѣ рубаху, то глубоко вздыхалъ, то дрожащей рукою потиралъ себѣ лобъ; какъ будто старался что-то вспомнить. По-временамъ лицо его прояснялось, но сейчас-же опять становилось и грозно, и мрачно. Раздумывая о способахъ отомстить за своихъ дѣтей, онъ однакожъ не могъ отдѣлаться отъ навязчивой мысли, что тѣ, на кого мщеніе должно было пасть, родные его внучата, сироты, лишенные и отца и матери.

Между тѣмъ, какъ Милошъ, мучимый нерѣшимостью, самъ не зная, звать или не звать великана Хулю, чтобъ поручить ему исполненіе суроваго приговора, — среди дворни, по наружности столь покорной, начиналось броженіе не въ пользу князя.

Дѣло въ томъ, что слуги Милоша, въ связанныхъ и брошенныхъ въ яму плѣнникахъ, узнали сыновей убитаго Хвостека, которому прежде служили и, хотя не посмѣли оказать неповиновеніе Милошу, внутренне все-же роптали. Чувство жалости пробудилось въ нихъ. Они межъ собой перешептывались и какъ-то странно поглядывали на ходившаго по двору князя.

Хуля, котораго звали и Обромъ, держался невдалекѣ, инстинктивно угадывая, что скоро ему предстоитъ работа. На что Милошъ былъ высокаго роста и обладалъ громадною силою, — Хуля былъ и выше и сильнѣе своего господина. Потомокъ, по слухамъ, тѣхъ обровъ, которые въ онныя времена покорили дубовъ и, издѣваясь надъ ними, запрягали ихъ женщинъ въ телеги и въ плуги, — этотъ полу-звѣрь, полу-человѣкъ, походилъ на того медвѣдя, что ходилъ, прирученный за княземъ. Ни въ одну избу Хуля не могъ войти, не согнувшись вдвое; цѣлый возъ сѣна онъ несъ на плечахъ, какъ вязанку; всякаго звѣря мять подъ себя, а взрослыхъ людей валилъ, какъ ребятъ. Все его тѣло было покрыто волосами; онъ почти не нуждался въ одеждѣ. Любимою пищею служило ему сырое мясо; спать онъ всегда на дворѣ, даже зимою, въ морозы. Исполнить самое звѣрское приказаніе своего господина составляло для него наслажденіе.

Онъ никогда не говорилъ, какъ другіе люди: слова замѣнялись короткими звуками, смѣхомъ, ворчаніемъ... Князь трижды хотѣлъ отдать ему роковой приказъ и не могъ — его все еще что-то удерживало...

Вдругъ у воротъ послышался шумъ, зятѣмъ крики и требованіе, чтобы Милошъ немедленно отдалъ сыновей Хвостека.

Изъ лѣсу высыпала толпа вооруженныхъ людей, число которыхъ съ каждой минутой замѣтно росло. По ихъ одеждѣ и говору не трудно было узнать, что это нѣмцы, поморцы, кошубы и слуги плѣнныхъ Лешковъ.

Сгоряча у Милоша явилось желаніе сейчасъ-же послать свирѣпаго Обра придумать обоимъ князей и тѣла ихъ выбросить нѣмцамъ, но тутъ подбѣжалъ къ нему старшій смердь узнать, что прикажетъ онъ дѣлать, такъ-какъ слугамъ не устоять противъ сильнаго войска, обложившаго насыпи княжескаго дома. Раздраженный, но не испуганный, Милошъ ограничился тѣмъ, что вмѣсто отвѣта кинулъ слугѣ проклятіе.

Прибѣжала жена-княгиня, притащилась сынъ—слѣпой Лешекъ, но никто не могъ ничего добиться у разъяренного старика... Кромѣ мысли о мести—все прочее ему было чуждо... И однако—слово, ежеминутно готовое сорваться у него съ языка—онъ по-прежнему не рѣшался вымолвить.

Прошелъ вечеръ, ночь наступила. Поморцы расположились лагеремъ вокругъ осажденного ими двора. Князь сидѣлъ погруженный въ свои раздумья... Обръ находился при немъ, тупо глядя въ пространство...

Поздно ужъ ночью взмошелъ Смердь на насыпь и объявилъ старшинамъ, ждавшимъ выдачи Лешковъ, что если они только силой ворвутся во дворъ, то получать лишь головы молодыхъ князей.

Милошева челядь расположилась вдоль насыпей. Все это были люди, изъ рода въ родъ служившіе Лешкамъ, привыкшіе къ нимъ и имъ по своему преданные. Смотри на то, что творилось теперь, съ грустью вспоминали они доброе старое время... Люди эти, лишь недавно попавшіе въ дворню Милоша, знали отца Пепелка и не забыли еще своей у него службы. Къ тому-же, Милошъ былъ чрезвычайно строгъ въ обращеніи, его боялись и недолюбливали, къ тому-же и жизнь у него была совсѣмъ не завидная... Отсюда становится понятнымъ, что ночью, у главныхъ воротъ—вмѣсто ругани, которою цѣлый вечеръ обмѣнивались осажденные съ нападающими—послышался подозрительный шопотъ...

Въ то время, когда Милошъ въ борьбѣ съ своей нерѣшимостью не трогался съ мѣста людей его подкупали враги, склоняя открыть имъ ворота.

Къ разсвѣту все стихло. Казалось, изнурившись тревогами дня, всѣ заснули. Но тишина та была предательская—втихомолку враги готовились стать побѣдителями. Ворота неслышно отворились, и въ нихъ показалась горсть вооруженныхъ людей, за которыми сейчасъ-же и остальные толпою ворвались во дворъ. Шумъ этотъ, хоть и поздно, привелъ Милоша въ себя.

Съ мечомъ въ рукѣ, сопровождаемый Обромъ и немногими изъ оставшихся вѣрными слугъ, кинулся онъ на поморцевъ... Но тѣ уже успѣли и домъ занять и освободить молодыхъ князей изъ темницы... Начались рѣзня и грабежъ...

Первымъ палъ старый князь, пронзенный копьемъ. Дравшійся рядомъ съ нимъ Обръ уложилъ не мало враговъ, но и онъ былъ убитъ. Непріятель не щадилъ никого, даже женщинъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ намѣревался забрать съ собой... Онъ торопился разыскивать княжеское добро, боясь чтобъ кто-нибудь изъ своихъ-же не успѣлъ до времени подпалить усадьбы...

Къ утру дворъ былъ заваленъ трупами и дымился отъ испарявшейся крови... Общей участи не избѣгнули и измѣнники, такъ предательски поступившіе съ своимъ господиномъ: тѣла ихъ валялись тутъ-же...

Опьянѣвшіе отъ рѣзни дикари кричали и пѣли, радуясь легкой побѣдѣ.

Сыновья Хвостека стояли подъ дубомъ, ужасаясь невольно, какъ минувшей опасности, отъ которой спаслись только чудомъ, такъ и разбѣрамъ бѣдствія, котораго были единственными виновниками.

Они лишь теперь замѣтили, что Бумиръ и другіе Лешки, до сихъ поръ бывшіе ихъ сторонниками, куда-то исчезли.

Тогда они поняли, что и эта побѣда и эта кровавая мѣсть не болѣе въ сущности, какъ страшный ударъ судьбы, полнѣйшая гибель ихъ дѣла.

Послѣдніе, кто еще поддерживалъ ихъ—разбѣжались. Они остались одни среди нѣмцевъ и продажныхъ наемниковъ, которые и на нихъ могли такъ-же броситься...

Поморцы тѣмъ временемъ, насытившись грабежомъ, разыскивали и визали немногихъ счастливыхъ, случайно спасшихся отъ всеобщей рѣзни. Между ними попалась и Бѣлка, жена слѣпота сына Милоша... Вырвавшись на мгновенье изъ рукъ мучителей бѣдная кинулась къ трупу мужа и горько, отчаянно зарыдала...

Вскорѣ побѣдители, навьючивши лошадей всякимъ скарбомъ, зажгли разрушенную усадьбу и съ крикомъ да съ пѣснями скрылись въ густомъ лѣсу, таща за собой на веревкахъ плѣнныхъ.

На смѣну имъ съ противоположной стороны лѣса вышелъ старикъ гусляръ, котораго велъ мальчикъ. Оба направились къ мѣсту, гдѣ еще такъ недавно стоялъ дворъ Милоша. Вѣтеръ несъ имъ навстрѣчу запахъ горѣлаго дерева... Старикъ остановился въ воротахъ, палка его дотронулась до лежавшаго трупа... Мальчикъ, дрожа отъ страха, прижался къ гусляру и плакалъ.

— Старикъ Милошъ лежитъ съ разбитою грудью... Слепой Лешекъ весь тоже въ крови... трупы и трупы... Ни одного существа живого...

У гусляра ноги дрожали... Онъ опустился на камень, лежавшій у самыхъ воротъ... Рука его сжимала гусли, но боялась ударить по струнамъ... Грудь отказывалась способствовать пѣнью... Онъ беззвучно шепталъ:

— Когда громъ, ударивъ въ гнѣздо, истребитъ въ немъ не все живущее—то что и цѣлымъ осталось, само себя доканаетъ... Когда судьба захочетъ покончить съ семьей, съ какимъ-нибудь родомъ, братъ убиваетъ брата, дѣти встаютъ на родного отца... Безъ тризны полегли среди поля... Вороны расклюютъ тѣла... Вѣтеръ кости ихъ разнесетъ, память о нихъ скроется въ землю...

XXVIII.

Окончивъ необходимыя приготовленія для похода на поморцевъ,—Пясть велѣлъ запереть всѣхъ плѣнныхъ въ башню, единственно уцѣлѣвшую отъ недавняго княжескаго погрома. Въ ней представлялось удобнѣе за ними слѣдить. По дворамъ кметовъ о плѣнныхъ некому было заботиться, притомъ-же случалось довольно часто, что даже и крѣпко связанные, они легко избавлялись отъ

путь, уходили въ лѣса къ своимъ, приводя ихъ потомъ по знакомой дорогѣ.

Людекъ, сынъ Виша, отправилъ въ башню и нѣмца Хенго, котораго до тѣхъ поръ держалъ при себѣ. Хенго, нѣсколько разъ посѣщавшій эти края, знавшій почти всѣхъ кметовъ, вымолилъ у сопровождавшихъ его людей позволеніе сперва заглянуть къ Пясту, въ надеждѣ добиться помилованія. Очень ужъ ему не хотѣлось отправляться на Гоплу, чтобъ тамъ попасть въ башню. Ловкій, проницательный нѣмецъ рассчитывалъ, что ему удастся какъ-нибудь избѣжать общей участи.

Когда связанный Хенго предсталъ передъ княземъ, то, упавъ ему въ ноги, сталъ жаловаться, говоря, что всѣ его обижаютъ, что не по своей винѣ былъ онъ схваченъ тогда съ поморцами, что дороги онъ имъ не указывалъ...

— Я ни съ кѣмъ не велъ никогда войны, враговъ у меня нѣтъ,—продолжалъ онъ съ притворной скромностью:—жена у меня была изъ вашего рода и говорила вашимъ нарѣчіемъ. Мое дѣло—торговля, обмѣнъ, заработокъ, я служу людямъ, боюсь войны, а теперь я лишился всего имущества, обнищалъ окончательно... Сжался, князь милостивый, надо мною...

Выслушавъ жалобу Хенго, Пясть спокойно ему отвѣчалъ, что война имѣетъ свои права, что страна должна защищаться и заботиться о своей безопасности.

— Еслибъ тебя теперь отпустить на свободу, — прибавилъ князь, — а ты на пути повстрѣчался-бы съ нѣмцами, поневолѣ пришлось-бы тебѣ подробно имъ все рассказать, что у насъ происходитъ... открыть нашу тайну... Поэтому лучше пока тебѣ оставаться съ нами, подождать окончанія войны...

Хенго просилъ, чтобъ его по крайности не запирали въ темницу, гдѣ ужасно трудно безвинно сидѣть; онъ умолялъ, чтобъ его, хоть и связаннаго, но оставили на свободѣ, заставляя работать.

Нѣмецъ такъ искренно плакалъ и притворялся невиннымъ, что ему удалось смягчить сердце Пяста. Старикъ позволилъ ему остаться у себя въ домѣ, требуя отъ него лишь клятвы во имя Бога, Которому поклонялся Хенго. Нѣмецъ сложилъ пальцы въ видѣ креста и поклялся въ томъ, что не убѣжитъ.

На слѣдующій-же день, жалкій этотъ военно-плѣнный принялся

за любимое дѣло; нашелъ онъ въ своихъ лохмотьяхъ кольца и ножики и сталъ предлагать ихъ всѣмъ встрѣчнымъ, въ обмѣнъ за другіе предметы.

Никто не обращалъ на это вниманія. Бѣжать онъ, дѣйствительно, и не думалъ; даже напротивъ, онъ всюду являлся, гдѣ только было много народа, пользуясь всякимъ случаемъ рассказать, что жена его одной крови съ полянами, говорить на ихъ языкѣ, что у него есть и сынъ отъ нея. Вотъ на такихъ-то данныхъ онъ и основывалъ право считать себя другомъ полянъ. О кошубахъ съ поморцами вспоминалъ не иначе, какъ съ бранью, приписывая имъ всевозможнѣйшіе пороки, въ особенности-же страсть къ грабежамъ и убійствамъ. Мало-по-малу народъ сталъ къ нему привыкать, тѣмъ болѣе, что никто лучше Хенго не умѣлъ оттачивать и чинить ножи.

Разный людъ обращался къ нему то съ тѣмъ, то съ другимъ, и каждому онъ угождалъ, не споря притомъ о платѣ, будь то хоть шкурка ягненка.

Однажды, въ то время, когда Хенго работалъ, къ Пясту явился Добекъ за приказаніями. Добекъ сейчасъ-же узналъ рыжаго нѣмца, а замѣтивъ его искусство, началъ выражать сожалѣніе, что не имѣетъ подъ рукою такого слуги, такъ-какъ дома набралось у него множество всякихъ вещей, которыхъ не знаетъ онъ, какъ и поправить.

— Вотъ и не къ чему было меня тогда отъ себя отпускать!— улыбнулся лукаво Хенго.— А теперь, развѣ что князь, по милости, взявши клятву, позволить мнѣ ѣхать съ тобою... иначе придется тебѣ поискать другого работника...

Все такъ и устроили: Добекъ увѣрилъ князя, что будетъ имѣть неослабный надзоръ за плѣнникомъ, Хенго заставили повторить его прежнюю клятву, послѣ чего уже Пясть безъ труда согласился на временную отлучку нѣмца. Хенго посадили на лошадь за однимъ изъ Добековыхъ слугъ, и такимъ образомъ, недолго спустя, онъ очутился въ новой для него обстановкѣ.

Добекъ велъ жизнь совершенно иную, чѣмъ всѣ прочіе кметы. Съ дѣтства зародилась въ немъ страсть къ войнѣ, и хотя у него было чрезвычайно много земли, лично онъ ею не занимался. Вѣдали это дѣло особо приставленные къ тому влодари, бортники,

слуги самъ-же онъ исключительно жизнью пользовался. Онъ не былъ женатъ, хотя женщинъ у него было и много. По его приказанію онѣ обязаны были плясать и пѣть, чтобы тѣмъ развлекать своего повелителя.

Въ полѣ за звѣремъ, или въ походѣ, устать—казалось ему немислимымъ, за-то ужъ дома, онъ только и дѣлалъ, что цѣлые дни лежалъ у огня или на травѣ подъ деревьями. Полная чаша всегда стояла возлѣ него, а женщины поочередно должны были или сказки рассказывать, или пѣть ему пѣсни. И такой образъ жизни иногда подолгу тянулся. Потомъ онъ вдругъ вскакивалъ на коня, мчался въ лѣсъ, по нѣскольку дней кряду охотился и ни разу домой не заглядывалъ. Тутъ ему и голодъ, и холодъ — все ни почемъ; онъ тогда и грязной воды напьется и закусить чѣмъ попало...

Незамѣнимый въ сраженіи, при стремительномъ натискѣ, для сидячаго дѣла онъ совсѣмъ не годился.

И при всемъ томъ, Добекъ отличался чрезвычайною хитростью; онъ умѣлъ до поры до времени казаться какимъ ему было выгодно, все разузнать и только тогда начать дѣйствовать. Впрочемъ, объ этомъ, кромѣ ближайшихъ слугъ, никто не подозрѣвалъ.

Хенго тщательно принялся его изучать и ему уже казалось, что онъ далеко подвинулся въ знаньи особенностей своего господина.

Службу Хенго началъ съ того, что усердно взялся за работу. Чистилъ, чинилъ, оттачивалъ всевозможныя желѣзныя вещи. Весь хламъ, лежавшій въ сараѣ, онъ быстро привелъ въ порядокъ. А чрезъ нѣсколько дней по своемъ прибытіи, хоть и ломаннымъ языкомъ, но умѣлъ такъ смѣшить и забавлять своего господина, что тотъ частенько-таки приказывалъ его приводить къ себѣ. При случаѣ, Хенго описывалъ Добеку жизнь другихъ народовъ; говорилъ, что не всѣ люди такъ живутъ, какъ поляне, что войны, женщины иначе одѣваются, что господамъ на чужбинѣ живется гораздо лучше, чѣмъ здѣсь.

— Иная, привольная жизнь у насъ,—такъ начиналъ Хенго.—Такимъ-бы людямъ, какъ твоя милость, только-бы тамъ и жить... Здѣсь трудно живется, голодъ не рѣдкость, враги нападаютъ, войны почти безпрестанныя, люди уходятъ въ лѣсъ—здѣсь только и есть,

что земля, вода да лѣса... Здѣсь и живутъ-то всё словно равнине, — нѣтъ господъ, рабовъ очень мало. Князь и тотъ власти большою не имѣетъ, а у насъ каждый воинъ — себѣ господинъ!.. Королевскіе, царскіе замки такъ и блестятъ отъ золота, серебра, самоцвѣтныхъ каменьевъ; палаты все каменные... большія, богатые.

Добекъ позволялъ ему говорить, что только на умъ взбредетъ, даже самъ поощрялъ его.

— Ну, продолжай, — говаривалъ онъ: — я слушаю съ удовольствіемъ.

— Люди у насъ не живутъ, точно звѣри въ лѣсахъ, а напротивъ, строятъ рядомъ дома, вблизи королевскихъ замковъ... Дома все большущіе, высокіе, свѣтлые... Храмы Божьи громадныя, да блестящіе. Иначе пьютъ и ѣдятъ, нежели здѣсь... А женщины, тѣ такъ наряжаются, что и самихъ себя въ красотѣ превосходятъ... Еслибы увидѣлъ ты города-то наши, ты-бы крикнулъ отъ удивленія! Притомъ-же у насъ, что ни вздумаютъ, все изъ камня устроятъ!..

О чемъ-бы ни рассказывалъ Хенго, онъ все облакалъ въ такія яркія краски, что Добекъ вскрикивалъ поминутно, съ трудомъ удерживаясь на мѣстѣ — глаза его такъ и горѣли отъ любопытства. А когда Хенго началъ описывать, какъ у нихъ рыцари одѣваются, что за блестящее вооруженіе носятъ они, и затѣмъ перешелъ къ красотѣ иностранныхъ женщинъ — Добека такъ и тянуло въ эти благодатныя земли.

Онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что раньше или позже всё подобныя чудеса заведутся и у полянъ, какъ вдругъ у него родился невольный вопросъ: съ какой это стати нѣмецъ хвалилъ ему свою родину? Причина должна-же быть непремѣнно!..

— Конечно, и вы-бы могли все это имѣть у себя, — оканчивалъ Хенго: — но вы того сами не пожелали!.. Были у васъ князья, близкіе родичи нѣмцамъ, хотѣли они и у васъ такіе-же завести порядки, но вы тѣхъ князей уничтожили, избравъ на ихъ мѣсто княземъ простого кмета.

Добекъ теперь только понималъ, съ какою цѣлью лукавый нѣмецъ описывалъ ему свою родину, что онъ просто-на-просто пробовалъ, не удастся-ли ему склонить Добека перейти на сторону Лешковъ. Добекъ прикинулся вполне раздѣляющимъ мысли нѣмца

онъ даже прибавилъ, что долженъ былъ согласиться съ мнѣніемъ большинства относительно выбора Пяста, хотя и не былъ къ нему замѣтно расположенъ.

— Кметъ кмету равенъ, — сказалъ онъ. — Избрали Пяста, могли-бы избрать и меня!

Нѣмецъ растаялъ: ему показалось, что дѣло ужъ выиграно и тогда, не стѣняясь, онъ сталъ уговаривать своего собесѣдника перейти на сторону Лешковъ; противъ этого Добекъ не возражалъ.

Хенго рассказывалъ ему о замкѣ отца убитой княгини, сколько тамъ войска, какая жизнь развеселая.

Добекъ продолжалъ дѣлать видъ, что все это ему очень нравится и даже нарочно вызывалъ Хенго на откровенность.

Такъ, на слѣдующій день онъ первый началъ разспрашивать про житье-бытье нѣмцевъ; Хенго теперь болталъ ужъ безъ умолку.

Подчасъ у Добека сильно рука чесалась—хватить хорошенько болтливаго нѣмца, но приходилось удерживаться, въ виду дальнѣйшихъ признаній. Хенго, между прочимъ, проговорился, что долгое время служилъ онъ у дѣда молодыхъ Пепелковъ, — причемъ развязно совѣтовалъ своему хозяину, повидавшись съ послѣдними, не только перейти на ихъ сторону, но и другихъ на то-же склонить; за это-де въ будущемъ легко ожидать не малой награды.

— А какъ къ нимъ добаться?—спросилъ хитрый Добекъ.

— Пусть лишь милость твоя согласится,—отвѣтилъ радостно нѣмецъ,—а за этимъ дѣло не станетъ.

Такимъ образомъ Добеку представлялась возможность еще до войны развѣдать силы враговъ, а главное—увидѣть ихъ собственными глазами. Предпріятіе это, отчасти рискованное, пришлось ему по душѣ. Если что его и удерживало, то единственная мысль, какъ-бы князь и прочіе кметы, узнавъ обо всемъ, не думали заподозрить его въ измѣнѣ. И вотъ, чтобъ покончить со своими сомнѣніями, онъ, въ одно прекрасное утро, подъ предлогомъ охоты, выѣхалъ изъ дому и направился къ Пясту, любопытствуя слышать, что ему скажетъ старикъ. Надо думать, все устроилось по желанію Добека, такъ-какъ, вернувшись отъ князя, онъ немедленно сталъ готовиться въ дальній путь.

На слѣдующій день, послѣ короткаго совѣщанія съ нѣмцемъ

наединѣ, Добекъ позвалъ своего старосту, приказалъ ему въ свое отсутствіе заботливо охранять домъ, а потомъ сѣлъ на лошадь, нѣмцу велѣлъ дать другую и, не объяснивъ никому цѣли этой поѣздки, оба поскакали и вскорѣ скрылись въ темномъ лѣсу.

Ничего не подозрѣвавшій нѣмецъ безопасно распространялся о томъ, какія награды ждутъ Добека, какая веселая жизнь ему предстоитъ, какія у него заведутся богатства и что онъ можетъ если захочетъ, жениться на княжеской родственницѣ. Добекъ на все соглашался, притворяясь такъ ловко, что даже въ глазахъ незамѣтно было и тѣни неискренности. Изрѣдка лишь, взглядывая съ боку на нѣмца, Добекъ презрительно улыбался.

Такъ ѣхали путники лѣсомъ нѣсколько дней. Наконецъ, послѣ немалыхъ трудовъ и усилій они добрались до послѣдней, густой для посторонняго совершенно непроходимой чащи на границѣ поморской земли. Здѣсь ужъ всѣ уголки были знакомы Хенго и онъ сейчасъ-же нашелъ людей, согласившихся указать кратчайшій путь къ нѣмецкому стану.

Въ то время, какъ Добекъ и Хенго приближались къ цѣли своего путешествія, нѣмцы были уже почти готовы къ походу. Они только ждали прибытія общавшихся имъ помочь, вѣчно жаждущихъ грабежа и опустошеній, кошубокъ, а также и прочихъ союзныхъ племенъ.

Оба князя, съ дядею своимъ Клодвигомъ, расположились ставкой въ лѣсу, извѣстномъ подъ прозвищемъ Дикаго.

Избранное ими мѣсто защищалось отчасти рукавами довольно глубокой рѣчки, отчасти тряскимъ болотомъ. Повсюду виднѣлись раскинутыми шалаши и палатки. Вооруженные люди все еще прибывали съ разныхъ сторонъ, хотя и бывшихъ въ наличности казалось достаточно, чтобъ рассчитывать на побѣду.

Когда Добекъ и Хенго подъѣхали къ мосту, ведущему къ княжеской ставкѣ, и заявили сторожевому ратнику о томъ, зачѣмъ они прибыли — ихъ сейчасъ-же направили къ молодымъ князьямъ. Княжескій шатеръ, устроенный на скорую руку, занималъ самый центръ ставки; онъ былъ обнесенъ частоколомъ; стѣны его, грубо сколоченныя изъ досокъ, были обтянуты полотномъ.

Возлѣ шатра суетились нѣмецкіе рыцари въ желѣзныхъ кольчугахъ. Вооруженіе ихъ большею частью тоже было все желѣз-

нос: мечи, топоры, копья съ желѣзными наконечниками и крытые желѣзомъ щиты. Одежда была разноцвѣтная.

Добекъ, однако, лишь тогда убѣдился въ справедливости розсказней рыжого нѣмца, когда вошелъ въ самый шатеръ, гдѣ, на скамьяхъ, покрытыхъ краснымъ сукномъ, возсѣдали молодые князья со своимъ дядею.

На доскахъ, замѣнявшихъ столъ, Добекъ увидѣлъ богатую золотую посуду, разставленную на скатерти алаго цвѣта сукна, шитой золотомъ. Хозяева были роскошно одѣты: на обоихъ были длинныя синія рубахи, спускавшіяся до колѣнъ, съ краями усеянными золотыми блестками; плащи изъ тонкаго сукна и нарядная кожаная обувь — все это дѣйствительно могло возбудить удивленіе.

Но Добекъ завидовалъ главнымъ образомъ ихъ длиннымъ, блестящимъ мечамъ и щитамъ; послѣдніе такъ густо были обиты гвоздями, что кожа едва видѣлась. Добекъ первый разъ въ жизни встрѣтился здѣсь съ вещами, о назначеніи которыхъ никакъ не могъ догадаться.

Едва Хенго вошелъ въ шатеръ, какъ сейчасъ-же упалъ князьямъ въ ноги. Добекъ его примѣру, конечно, не слѣдовалъ—онъ тѣмъ временемъ разглядывалъ убранство шатра и всѣхъ находящихся въ немъ. Хенго на какомъ-то непонятномъ нарѣчій сталъ объяснять князьямъ, какъ и зачѣмъ явился сюда со своимъ товарищемъ, за что,—говорилъ онъ,—ихъ обоихъ не мѣшало-бы наградить. Казалось-бы сперва, что и дядя, и молодые князья отнеслись недовѣрчиво къ нѣмцу, словно опасаясь измѣны.

Долго они разговаривали. Хенго убѣждалъ ихъ въ искренности своихъ и товарища своего намѣреній, а тѣмъ временемъ старшій Лешекъ, еще не совсѣмъ забывшій полянскій языкъ, старался пояснить Добеку, какъ народъ отплатилъ Хвостеку за его благодѣянія, какъ они, дѣти прежняго князя, теперь у своего-же народа не могутъ найти поддержки, а напротивъ, ихъ гонять, преслѣдуютъ. Дальше онъ разсказалъ о смерти Милоша, о томъ, какъ имъ съ братомъ пришлось обратиться за помощью къ роднымъ матери, нанимать чужеземное войско для того, чтобъ вернуть себѣ земли, имъ однимъ лишь принадлежащія по праву наслѣдства.

Младшій, кончивъ разспрашивать нѣмца, обратился къ Клодвигу и тогда уже вмѣстѣ съ нимъ, ударяя въ столъ кулаками, сталъ ругать, проклинять всѣхъ полянъ, похваляясь отмстить имъ за все.

Добеку волей-неволей пришлось выслушать безобразную эту ругань, не бывъ въ состояніи ничѣмъ на нее отвѣчать. Онъ до сихъ поръ еще ни разу рта не открылъ.

Старшій, уставши ругаться, первый обратился къ гостю со словами, что и ему, и его друзьямъ необходимо всѣми силами постараться приобрести какъ можно больше сторонниковъ. Клодвигъ подтвердилъ то-же самое по нѣмецки, а Хенго, переведя сказанное на полянскій языкъ, прибавилъ, что наградамъ князей не будетъ конца.

— Изъ тебя одного,—сказалъ Клодвигъ Добеку:—помощь не велика будетъ. Вотъ развѣбъ ты могъ указать намъ дорогу. Но это еще не особенно важно. Если-же хочешь сослужить намъ дѣйствительную службу, такъ это нужно иначе устроить. Ты немедленно возвращайся домой и старайся стать во главѣ какой-нибудь значительной части народа, а когда выступишь противъ насъ, то займи со своими людьми послѣднее мѣсто, сзади всѣхъ остальныхъ. Въ случаѣ дѣло дойдетъ до битвы, то бросишься на полянъ съ одной стороны, мы съ другой. Такъ-то отъ насъ ни одинъ живой человѣкъ не уйдетъ. Они попадутъ какъ въ тиски. Уговори и другихъ своихъ товарищей то-же самое сдѣлать.

Добеку, несмотря на то, что съ радостью удушилъ-бы князей, а съ ними и Хенго, выслушалъ все терпѣливо. Тогда посыпались обѣщанія; ему сулили огромныя пространства земли, власть, богатства, а когда Хенго что-то шепнулъ на ухо одному изъ князей, то даже и красавицу нѣмку посулили Добеку въ жены.

Добеку слушалъ и клялся, искоса поглядывая на своего нѣмца.

Князья сейчасъ-же пригласили его сѣсть на скамьи, рядомъ съ ними, и начали угощать его пивомъ и медомъ. Лѣшекъ подарилъ Добеку золотое кольцо, которое снялъ съ пальца, въ знакъ заключеннаго договора; младшій братъ подарилъ ему мечъ, а Клодвигъ, не желая отстать отъ другихъ, вручилъ ему золотой кубокъ.

Напившись пива и меду, Добекъ сталъ разговорчивѣе, прики-

нулся крайне глупымъ, смѣшилъ нѣмцевъ своими разсказами, а, то, что имъ непонятнымъ казалось, Лешекъ немедленно объяснялъ по-нѣмецки. Внутренно Добекъ радовался, что ему такъ ловко удалось провести ненавистныхъ враговъ.

Такъ просидѣли они за столомъ до самаго вечера. По уговору, Добекъ долженъ былъ вернуться къ своимъ, сдѣлать все, чтобы стать вождемъ, а затѣмъ окружить себя какъ можно большимъ числомъ сторонниковъ Лешковъ. Добекъ общался все это устроить, а самъ, между тѣмъ, горѣлъ нетерпѣніемъ скорѣе присмотрѣться къ порядкамъ нѣмецкаго стана.

Наконецъ, Хенго отвелъ Добека въ нарочно очищенный для него шалашъ, послѣ чего вернулся еще къ своимъ.

Добекъ-же, не теряя удобной минуты, внимательно сталъ слѣдить за всѣмъ, что вокругъ него дѣлалось.

Поздно ночью пришелъ къ нему Хенго и легъ у входа въ шалашъ. На вопросъ рыжаго нѣмца: понравилась-ли ему здѣшняя жизнь, Добекъ поспѣшилъ выразить удивленіе всему, что видѣлъ и слышалъ. У него являлось желаніе убить проклятаго нѣмца, но пришлось пока отъ этого воздержаться.

Полученные имъ подарки, которыхъ онъ не могъ не принять, жгли его какъ огнемъ.

Въ княжескомъ станѣ всѣ уже знали, что Пястъ, съ значительнымъ войскомъ, спѣшилъ подвигаться къ границѣ, съ цѣлью не допустить непріятеля внутрь страны, и нѣмцы торопились тронуться въ путь, какъ можно скорѣе.

На слѣдующій день, ни съ кѣмъ не прощаясь, Хенго и Добекъ покинули станъ. Добекъ нарочно избралъ такую дорогу, чтобы еще разъ внимательно все осмотрѣть. Хенго не отставалъ отъ него ни на шагъ. Рыжій нѣмецъ везъ съ собою много цѣнныхъ подарковъ, предназначенныхъ для существовавшихъ, пока лишь въ надеждѣ, союзниковъ.

Движеніе въ станѣ было большое; нѣмцамъ хотѣлось какъ можно скорѣй увидѣть враговъ, они ругали полянъ и кляли ихъ безъ устали. Крики, шумъ, суета вездѣ...

Когда Хенго и Добекъ наконецъ очутились въ лѣсу — кметъ нашъ вздохнулъ съ облегченіемъ. Хенго болталъ непрерывно, Добекъ угрюмо молчалъ. Кольцо, мечъ и кубокъ не давали ему

покою, онъ досадовалъ на себя, что не бросилъ князьямъ ихъ въ лицо. Онъ только и думалъ, какъ-бы отомстить врагамъ за обиду, въ лицѣ его нанесенную всему народу полянскому. Обь отысканіи кратчайшей дороги домой Добекъ теперь не заботился; онъ отлично запомнилъ, до мельчайшихъ подробностей, всѣ тропинки, по которымъ велъ его Хенго. Все дѣло состояло лишь въ томъ, какъ справиться съ нѣмцемъ?

Убить его — слишкомъ мало, да и не утолить ненасытнаго чувства мести.

Когда они остановились на ночлегъ среди лѣса и начали спутывать лошадей, чтобъ пустить ихъ на лугъ, Добекъ, со свойственной ему хитростью, притворился, что въ пути потерялъ веревку. Нѣмецъ, все всегда предусматривающій, предложилъ Добеку запасную, но тотъ нашелъ ее слишкомъ тонкою.

Чтобы горю помочь, принялись они превращать запасную веревку въ довольно увѣсистый шнуръ. А костеръ ужъ пылалъ подъ раскидистымъ дубомъ.

Добекъ на-скоро сдѣлалъ петлю и, раньше чѣмъ Хенго успѣлъ замѣтить, искусной рукою накинулъ ее на него. Сперва было нѣмецъ счелъ это шуткою, но Добекъ перебросилъ шнуръ чрезъ толстую вѣтвь, пришедшуюся какъ-разъ надъ костромъ и—Хенго повисъ въ воздухѣ... Добекъ затѣмъ прикрѣпилъ веревку къ дубу и отошелъ нѣсколько въ сторону. Здѣсь онъ легъ на травѣ, время отъ времени усиливая огонь, чтобы Хенго испечь живымъ.

Все это произошло съ быстротою молніи. Испуганный нѣмецъ лишился сознанія, но вскорѣ пришелъ въ себя. Добекъ былъ до того взволнованъ, что говорить ужъ не могъ, одни лишь глаза его, казалось, сыпали искры: онъ любовался на висящаго надъ костромъ нѣмца.

Хенго стоналъ, умолялъ о пощадѣ,—кметъ сурово молчалъ и только за каждымъ словомъ молившаго подбрасывалъ въ пламя хворостъ и листья.

Огонь, разгораясь, охватывалъ нѣмца, и стоны его становились все тише. Добекъ привелъ съ пастбища лошадей, уложилъ на нихъ вещи и сталъ дожидаться, скоро-ли нѣмецъ испуститъ послѣдній вздохъ, чтобъ затѣмъ сейчасъ-же уѣхать.

Хенго едва слышно стоналъ. Добекъ, прождавъ еще нѣсколько

времени, наконецъ потерялъ терпѣніе: онъ бросилъ копьё прямо въ грудь несчастнаго и тѣмъ ускорилъ развязку.

Не успѣлъ Добекъ взобраться на лошадь—подгорѣвшая вѣтка вмѣстѣ съ тѣломъ упала въ костеръ и пламя приняло свою жертву... Теперь ужъ не оставалось сомнѣнія, что съ Хенго все кончено!.. Добекъ приблизился, плюнулъ на трупъ врага и быстро двинулся въ путь.

Не чувствуя на сердцѣ прежней тяжести, онъ торопился какъ можно скорѣе вернуться домой. Сперва онъ, однако, рѣшилъ захватить на Ледницу, такъ-какъ надѣялся застать еще тамъ старшинъ.

Тѣмъ временемъ Пясть собралъ на берегахъ Гопла всѣхъ, кто только годился для военнаго дѣла. Тысяцкіе, сотники и десятники, по личнымъ указаніямъ Пяста, раздѣляли собравшихся на отряды, а онъ назначалъ начальниковъ, воеводъ, которые лишь ему одному подчинялись. У Пяста оказалось войско несравненно сильнѣе того, какого по обстоятельствамъ требовалось. Несмотря на то, что онъ въ первый разъ воевалъ, что всю жизнь свою онъ возился съ пчелами, Пясть, однако, изъ этой массы людей, не привыкшихъ къ повиновенію, сумѣлъ устроить такіе воинственные отряды, что они даже нѣмцамъ могли сопротивляться съ успѣхомъ. Вооруженіе было тоже не дурно. Каждый воевода осматривалъ каждого ратника отдѣльно, снабжая необходимымъ оружіемъ. Въ одно осеннее утро, когда на поляхъ стояли подъ стягами, готовые тронуться въ походъ воины—Пясть взомель на небольшой холмъ, и представившееся глазамъ его зрѣлище обрадовало старика. Никто не нарушалъ образцоваго порядка, на вопросы всѣ весело откликнулись.

Тогда Пясть, раздѣливъ всѣхъ своихъ воиновъ—межирѣчанъ, куявянъ, познанцевъ, бахарцевъ и прочихъ—на три отдѣльных отряда, по тремъ различнымъ дорогамъ, двинулъ ихъ на границу. При этомъ всѣ обязаны были знать и помнить, какими путями идутъ ихъ товарищи, чтобъ не мѣшать другъ-другу, не заводить изъ-за пастбищъ споровъ, вообще не опустошать своей собственной земли. Также обязаны были обращать и на то вниманіе, чтобъ враги ранѣе времени не провѣдали о движеніи войскъ, и такимъ образомъ были лишены возможности устроить внезапное нападеніе или-же засаду. Самъ-же Пясть, сопровождаемый сыномъ, кото-

раго, несмотря на его молодые годы, началъ уже приучать къ войнѣ — занялъ мѣсто въ срединѣ войска, чтобы оттуда слѣдить за всѣмъ.

Кметы первый разъ въ жизни встрѣтились съ обстоятельствомъ, особенно ихъ поразившимъ: князь, назначая вождами людей, никогда о томъ не рѣшавшихся и подумать, въ то-же время замѣтно чуждался тѣхъ, кто самъ себя прочилъ въ вожди. Кромѣ того, всѣхъ занимало—куда дѣвался Добекъ? Князь-то объ этомъ зналъ, но прочіе толковали различно, тѣмъ болѣе, что и его дружину временно поручили другому.

Однажды вечеромъ, когда войны расположились на отдыхъ, а Пясть, его сынъ и старшины грѣлись у пылавшихъ костровъ, передъ Пястомъ неожиданно появился Добекъ, блѣдный, едва державшійся на ногахъ.

— Добекъ! — воскликнулъ Пясть, какъ-будто не зная происшедшаго съ Добекомъ и откуда онъ явился сюда.—Гдѣ былъ, что дѣлалъ? Мы ужъ оплакивали тебя, думая, что съ тобою случилось несчастье.

— Никогда не угадать тебѣ, милостивый князь, что со мной приключилось!—отвѣтилъ Добекъ.—Да всему и повѣрить-то трудно. А все-же нѣтъ худа безъ добра и, какъ видишь, я цѣль остался; я прямо являюсь къ тебѣ изъ лагеря Лешковъ, еще нѣмцами несетъ отъ меня.

Всѣ вскрикнули отъ удивленія, а Добекъ началъ свой рассказъ:

— Взялъ я у тебя, милостивый князь, ради починки мечей такого-то нѣмца, который чуть-было совѣмъ не сгубилъ меня. Хитрый змѣй, вздумалось ему меня подговаривать на измѣну и на то, чтобы я перешелъ на сторону Лешковъ. Я возьми, да и притворись, что во всемъ, значить, съ нимъ согласенъ, да и отправься въ лагерь-то къ Лешкамъ. Вѣдъ не дурно развѣдать, какія у нихъ силы, да какъ тамъ живутъ. Они допустили меня къ себѣ, уговаривали, льстили мнѣ — обѣщаніямъ не было и конца. Я подчасъ хотъ и кусалъ языкъ себѣ со злости, но все-жъ надо было съ ними и соглашаться, и увѣрять, что я ихъ вѣрнѣйшій другъ. Тѣмъ временемъ я приглядѣлся къ вооруженію нѣмцевъ и къ ихъ порядкамъ. Вотъ этимъ хотѣли меня подкупить,—тутъ До-

бѣкъ бросилъ на землю кольцо, мечъ и кубокъ. — Наглядѣвшись на все, я уѣхалъ отъ нихъ и вотъ прямо къ тебѣ прискакалъ.

— А нѣмецъ, что былъ съ тобой? Онъ гдѣ? — спрашивали старшины.

— Не удержался, не могъ я дольше смотрѣть на него, — объяснилъ Добекъ. — Сейчасъ-же, на первомъ ночлегѣ живымъ испекъ его для волковъ, чтобъ сталъ вкуснѣе, иначе, пожалуй, и не дотронутись-бы...

Теперь посыпались отовсюду вопросы: какъ поморцы живутъ? Какое у нихъ оружіе? Сколько ихъ? Что они говорятъ? Какими путями думаютъ повторить нападеніе? Добекъ на всѣ вопросы принужденъ былъ давать обстоятельные отвѣты.

Когда Пясть узналъ, что Лешки выслали уже передовые отряды на Ледницу, волей-неволей пришлось скорѣе сниматься съ мѣста, чтобы раньше враговъ прибыть на границу. Изъ всего, что рассказывалъ Добекъ, видно было, что враговъ по числу значительно меньше дружины Пяста, а страшно одно ихъ вооруженіе. Старшинамъ нетерпѣлось скорѣе повидать непріятеля, чтобы разъ навсегда съ нимъ покончить.

Выступленіе Пясть назначилъ на слѣдующій день чуть свѣтъ, съ самаго ранняго утра.

XXIX.

Пясть велъ свою дружину съ такой осторожностью, словно боялся испугнуть дикихъ звѣрей окрестныхъ лѣсовъ. О другихъ воеводахъ онъ свѣдѣній не имѣлъ. Не имѣли и они сообщеній другъ съ другомъ. Тѣмъ не менѣе всѣ сошлись почти одновременно на равнинѣ, у Ледницы. Это охотно сочли за хорошій признакъ, и общій восторженный крикъ навѣрно бы вылетѣлъ изъ тысячи грудей, еслибъ не строгое приказаніе князя хранить глубокую тишину.

Пясть, остановившись на возвышенномъ мѣстѣ, любовался своими дружинами, которыя въ образцовомъ порядкѣ стекались къ нему съ разныхъ сторонъ.

Рѣшено было здѣсь ожидать непріятеля до слѣдующаго утра,

а если не явится, то общей массой двинуться къ поморской границѣ. Настало и утро—веселое, ясное, такъ бодро смотрѣвшее послѣ холодной осенней ночи... Вдругъ, у самой опушки ближайшаго лѣса показались всадники, вооруженные съ головы до ногъ.

То были Лешки и ихъ дружина.

Они, видимо, не надѣялись встрѣтить полянъ готовыми къ оборонѣ, такъ-какъ передовой отрядъ остановился на мѣстѣ, какъ вкопанный и казался испуганнымъ неожиданностью.

Въ воздухѣ тишина стояла торжественная. Никто не произнесъ ни одного слова.

Поляне, нисколько не испугавшись враговъ, не тронулись съ мѣста, поморцы то-же не двигались, хоть можетъ быть и охотно вернулись-бы въ лѣсъ.

Судьба такъ распорядилась, что на этой равнинѣ, расположенной надъ Ледницею, должна была совершиться рѣшительная послѣдняя борьба Лешковъ съ кметами. Молодые князья, полагаясь на оружіе нѣмцевъ, на ихъ умѣнье, а, можетъ быть, и на помощь, обѣщанную имъ Добекомъ—велѣли своимъ подвигаться впередъ... Число ихъ росло; изъ лѣсу прибывали все новые воины... Пясть, окруженный своими вождями, стоялъ и зорко слѣдилъ за нѣмцами. Онъ еще ни одного приказанія не отдалъ.

Лешки виднѣлись нѣсколько въ сторонѣ... Молчаніе полянъ вернуло Лешкамъ ихъ бодрость духа; они огласили воздухъ воинственнымъ крикомъ, надѣясь хоть тѣмъ испугать врага.

Поляне, какъ и раньше—безмолвствовали.

Пясть и шесть окружавшихъ его стариковъ-воеводъ наблюдали за движеніемъ непріятеля, силы котораго продолжали все возрастать.

Первымъ, близъ Пяста, замѣчался Стиборъ, начальникъ отряда, селившагося по берегамъ р. Варты—мужъ, богатъ одаренный способностями, молчаливый, упорно преслѣдующій разъ избранную цѣль. Онъ сидѣлъ верхомъ, наклонившись нѣсколько тѣломъ впередъ, а такъ-какъ онъ не любилъ покрывать чѣмъ-либо голову, то вѣтеръ игралъ густыми, серебристыми его волосами. Открытая мохнатая его грудь вся усеяна была зажившими ранами. Стиборъ, держалъ въ рукахъ длинное копьё, съ желѣзнымъ наконечникомъ,

и на шеѣ и на плечахъ онъ имѣлъ металлическіе круги, которые получилъ еще по наслѣдству отъ дѣдовъ.

Рядомъ съ Стиборомъ стоялъ моложе его, товарищъ по прозванью Нагой. На головѣ у него былъ колпакъ изъ волчьей пасти, и, несмотря на возрастъ, кровь старика бушевала при видѣ врага; онъ съ нетерпѣньемъ ждалъ момента атаки. Онъ безпокойно водилъ глазами, какъ-бы считая своихъ враговъ; губы его нервно вздрагивали, по временамъ бросая проклятья. Если-бы только зависѣло отъ него—онъ ужъ давно затѣялъ-бы драку, не давая противнику собраться съ силами! Конье дрожало въ его рукѣ,—казалось, вотъ, вотъ—и онъ пуститъ его въ поморцевъ.

Сейчасъ за Нагимъ стоялъ Лютый, глава межирѣчанъ, худощавый, блѣдный, высокаго роста, почти безъ волосъ въ бородѣ и на головѣ, съ небольшими глазами и низкимъ лбомъ. Это былъ страстный охотникъ и воинъ; не разъ случалось, что онъ одинъ съ незначительной горстью людей, врывается въ земли поморцевъ, сѣя вокругъ себя смерть и ужасъ. Конье не пользовалось у него особой любовью: вооруженіе его состояло изъ тяжелаго молота и сѣкиры. Въ тѣ времена воеводы не только обязаны были отдавать приказанія войскамъ, но и лично вести ихъ въ битву.

Четвертымъ былъ воевода Болько, извѣстный подъ кличкою—Черный, ради цвѣта волосъ съ отливомъ воронаго крыла. Онъ говорилъ неохотно и рѣдко только тогда, когда къ тому принуждала его необходимость. Праздности онъ не терпѣлъ, и никто никогда не видѣлъ его безъ дѣла.

Далѣе слѣдовалъ Мышко, прозванный Куликомъ, подобно всѣмъ Мышкамъ—высокаго роста, широкоплечій, ни разу не испытавшій въ теченіи жизни, что значить болѣзнъ; великій охотникъ идти на врага, болтунъ не малой руки. При всѣмъ томъ человѣкъ съ замѣчательно твердою волею: отлично всѣмъ было извѣстно, что если Куликъ что высказалъ—ни за что отъ того не отступится, хотя-бы пришлось поплатиться жизнью.

Ладить съ нимъ далеко не каждому удавалось, но кому онъ хоть разъ обѣщалъ свою помощь, тотъ всегда могъ на нее положиться. Война для него представлялась самымъ веселымъ пиромъ. И теперь на его губахъ скользя усмѣшка—онъ почуялъ уже запахъ крови.

Наконецъ, послѣднимъ стоялъ Порай—воевода моложе другихъ лѣтами. Онъ только и ждалъ приказанія князя—броситься на враговъ.

Пясть все еще медлилъ, раздумывая: начать-ли первому наступленіе, или предоставить поморцамъ загнѣть битву?

Два вражескихъ войска смотрѣли одно на другое съ двухъ противоположныхъ холмовъ, раздѣленныхъ небольшимъ, извилистымъ ручейкомъ. Ни одинъ воевода не бралъ на себя разрѣшить сомнѣнія Пяста, чтобы въ случаѣ неудачи не явиться ответственнымъ... Вдругъ, въ нѣсколькихъ шагахъ показался Визунъ. Жрецъ съ длиннымъ копьемъ въ рукѣ подошелъ къ князю. Лицо его озарялось радостнымъ чувствомъ.

— Я прямо изъ храма,—такъ началъ онъ,—и несу тебѣ отъ боговъ блестящія предсказанія. Я вопрошалъ судьбу, чѣмъ окончится эта война.—Огонь, вода, полетъ птицъ, воскъ, дымъ священнаго пламени—все, все рѣшительно дало мнѣ одинъ и тотъ-же отвѣтъ, что врагъ погибнетъ!.. Смотрите! Вотъ надъ вашими головами летаетъ птица, бѣлая словно голубь, а тамъ, на вражеской сторонѣ, одни черные вороны!.. Лада! Коляда! —крикнулъ онъ изо всѣхъ силъ.—Впередъ, на врага! Ни одинъ не долженъ уйти живымъ!.. Лада! Впередъ!

Воеводы повторили этотъ воинственный крикъ; за ними и всѣ отряды.

Пясть простеръ руку по направленію враговъ. Первымъ повелъ атаку Стиборъ со своею дружиной... Онъ обошелъ непріателя съ лѣвой стороны, Лютый поддерживалъ съ правой; далѣе слѣдовали—Большо Черный и Мышко... Порай-же, Нагой и Пясть остались по срединѣ. Какъ одинъ человекъ, дружнымъ натискомъ, кинулись кметы... Въ воздухѣ рѣяли стяги... Тысяцкіе и храбрѣйшіе воины замѣчались въ первыхъ рядахъ... Щиты, копья, мечи—угрожающе поднимались вверхъ...

— Лада!..—кричали всѣ.

Во главѣ поморцевъ скакали князя, въ ярко-красныхъ плащахъ. Колпаки на нихъ были золотомъ шиты. Ихъ окружали тѣлохранители въ блестящемъ вооруженіи.

Стороны быстро сходились... Слышались шумъ, крики, обвод-

ная ругань, проклятья... Тѣ, которые были впереди, плевали въ лицо врагамъ, угрожали имъ кулаками, не щадя при этомъ самыхъ унижительныхъ словъ... Возбужденіе росло, а когда, наконецъ, оно достигло крайнихъ предѣловъ, то первые ряды полянъ и поморцевъ сцѣпились въ отчаянной схваткѣ, не замедлившей перейти въ общую битву... Люди падали какъ снопы, образуя собой цѣлыя груды труповъ... Лежавшіе на землѣ душили другъ-друга, напившіе свади топтали ихъ... Сдѣлалось невозможнымъ отличать своихъ отъ враговъ...

Лютый, узнавшій Клодвига по одеждѣ, ринулся на него, разбрасывая толпы поморцевъ... Онъ уже поднялъ надъ нѣмцемъ тяжелый свой молотъ, но увертливый врагъ, къ тому-же сидѣвшій на лошади, успѣлъ отскочить назадъ и, съ своей стороны, отплатилъ противнику ударомъ меча по шеѣ... Шея у Лютого вспухла, но кровь, по счастью, не выступила... Лютый, разсвирѣпѣвъ, съ такою яростью ударилъ Клодвига молотомъ въ грудь, что тотъ сейчасъ-же свалился съ лошади... Смертельно раненаго вождя подхватили свои; остальные-же нѣмцы, съ воплями ярости, окружили смѣлаго кмета... Удары дождемъ посыпались на него... Но, видно, полянской кожи не могло пробить непріятельское оружіе и Лютый, счастливо отдѣлавшись отъ враговъ, присоединился къ своей дружинѣ...

Большо Черный и Мышко вѣзались было тоже въ самую середину толпы, окружавшей молодыхъ Пепелковъ. Но нѣмцы, испуганные участіемъ Клодвига, такъ тѣсно сплотились вокругъ князей, что подойти къ нимъ не оказалось возможности.

Наконецъ, поморцы не выдержали и начали отступать. Поляне охватывали ихъ какъ кольцомъ. Единственно свободный проходъ, сообщавшійся съ лѣсомъ, съ каждой минутой суживался. Лешки поняли, что въ бѣгствѣ—ихъ единственное спасеніе и, бросивъ войско на произволъ, скрылись въ чащѣ. Между тѣмъ, солнце клонилось къ закату... Бой продолжался тѣмъ съ большимъ упорствомъ, чѣмъ яснѣй становилось врагамъ, что всѣмъ имъ придется погибнуть... Лютый никого не пускалъ въ лѣсъ... Всякій путь къ бѣгству былъ прерванъ... Поляне окончательно замкнули поморцевъ со всѣхъ сторонъ.

О плѣнныхъ никто и не думалъ... „Гибель нѣмцамъ“!..—кричали

всѣ... Дикая, бѣшеная рѣзня продолжалась до тѣхъ поръ, пока уже некого было рѣзать и бить... Равнина и оба склона сплошь были усыяны трупами.

Когда наступилъ вечеръ, старшины объѣхали поле битвы, воины-же кинулись прикалывать тѣхъ изъ враговъ, въ комъ еще замѣчалась хоть искра жизни.

Пясть съ воеводами сѣлъ отдохнуть; началось совѣщаніе. Старый князь, по обыкновенію, долго слушалъ, взвѣсивая, что говорили другіе, и не торопился высказывать свое мнѣніе. Наконецъ, послѣ всѣхъ онъ сказалъ:

— Пусть двое изъ воеводъ, каждый со своей дружиною, отправятся вслѣдъ за поморцами—удерживать ихъ отъ новаго нападенія... Мы-же останемся здѣсь и, на мѣстѣ, гдѣ боги намъ помогли уничтожить врага, заложимъ стольный городъ, которому имя да-будетъ Княжное! Завтра, во избѣжаніе заразы, зароемъ тѣла павшихъ на полѣ брани, а тамъ, какъ народъ отдохнетъ, сейчасъ-же приступимъ къ постройкѣ города!..

Громкій крикъ: „Княжное!“ огласилъ воздухъ.

Воеводамъ всѣмъ до единого хотѣлось отправиться въ поморскую землю, и у каждого были на то свои причины. Долго спорили и кричали, Пясть наконецъ прекратилъ неурядицу, назначивъ Лютаго съ Болько Чернымъ въ погоню за непріателемъ. Остальнымъ по-неволѣ пришлось согласиться съ рѣшеніемъ князя, хотя безъ зависти они и не могли взглянуть на счастливыхъ. Нѣсколько въ сторонѣ лежалъ раненый Добекъ; около него стояли Людекъ—сынъ Виша и Доманъ. Добекъ такъ много въ тотъ день перебилъ враговъ, что и счесть было трудно, но одинъ изъ нихъ, котораго онъ считалъ уже мертвымъ, нанесъ ему въ ногу сильный ударъ желѣзнымъ копьемъ. Рана оказалась настолько жестокою, что, несмотря на приложенные къ ней листья съ древесной корой, кровь все еще продолжала показываться. Добекъ, блѣдный какъ полотно, лежалъ неподвижно, страдая отъ боли, но лицо у него сіяло, на губахъ блуждала улыбка. Мысль, что врагъ побѣжденъ, заставляла его иногда забывать о своемъ мученіи.

— Эхъ, — проговорилъ Доманъ, — лежать здѣсь, да на трупы смотрѣть нехорошо. Визунъ, омочивъ копье въ крови, вернулся на островъ... Мы и тебя туда-же свеземъ. Тамъ живо залѣчатъ

твою царяшину, обмоютъ ее священной водой... И меня когда-то воскресили на островѣ!..

Самборъ, подойдя къ разговаривавшимъ, прибавилъ:

— Возьми и меня съ собой... Я облегчу тебѣ перевозку раненаго... Но сердце не выдержитъ, когда увижу родную сестру у священнаго огня... Она могла-бы быть госпожею у себя дома!.. Нѣтъ, останусь здѣсь... Передайте ей отъ меня привѣтствіе... А ты, Доманъ?

— Я поѣду, — отвѣтилъ Доманъ, — поѣду! Правда, Дива пролила мою кровь, но потомъ она такъ усердно за мной ухаживала, что вотъ теперь я совсѣмъ оправился!

— Передай-же ей мой привѣтъ, — снова напомнилъ Людекъ. — Отъ меня, отъ братьевъ, сестеръ, отъ стѣнъ, порога, домашнего очага...

Доманъ, при помощи Людека и Самбора, снесъ Добека въ лодку, уложилъ его голову у себя на колѣняхъ, а затѣмъ приказалъ отчаливать. Ночь была свѣтлая, тихая.

Когда лодка приблизилась къ острову — на берегу стояло много людей; виднѣлась и Дива, словно предчувствовавшая приближеніе кого-то знакомаго!

Доманъ узналъ ее первый.

— Вотъ она тамъ стоитъ! — крикнулъ онъ радостно. — Дива! Дива! Есть-ли другая женщина такого-же роста? Есть-ли, которая-бы умѣла такъ гордо носить красивую голову?.. Есть-ли подобная ей?

Лодка, между тѣмъ, подъѣхала къ берегу.

Дива обратилась къ пріѣзжимъ, нисколько, повидимому, не удивленная ихъ прибытіемъ, какъ-будто знала о томъ заранѣе.

Самборъ припалъ къ ногамъ дѣвушки и почтительно коснулся губами края ея одежды. Дива ласково ему улыбнулась. Когда Доманъ здоровался съ нею, она покраснѣла, а Добека встрѣтила съ живѣйшимъ участіемъ.

Здѣсь были: Визунъ, старуха Нана и нѣсколько женщинъ изъ храма.

— Мы побѣдили! — воскликнулъ Доманъ, обращаясь къ жрецу. — Твое предсказаніе сбылось. Немногимъ лишь удалось избѣжать

нашихъ рукъ... Одинъ вождь погибъ... Но Лешки успѣли скрыться въ лѣсу.

Визунъ, наклонившись надъ раненымъ, осматривалъ его ногу. Вдругъ онъ спросилъ у Добека:

— А ты... что сдѣлалъ съ тѣмъ, кто нанесъ тебѣ этотъ ударъ?

— Лежитъ онъ тамъ... среди труповъ и вороны надъ нимъ потѣшаются... Я убилъ его тѣмъ-же нѣмецкимъ мечомъ, который получилъ въ подарокъ отъ Лешковъ.

— Несите его скорѣе къ священному ключу, — сказалъ старикъ: — вода его вылѣчитъ, такъ-какъ виновникъ раны не существуетъ уже болѣе...

Добека взяли подъ руки и направились съ нимъ къ ключу. Дива шла впереди.

Иногда она оглядывалась, и глаза ея встрѣчали пристальный взоръ Домана.

Вскорѣ шедшіе очутились близъ храма и хижины Визуна. Здѣсь, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ нѣкогда раненый Доманъ, уложили и Добека, а Дива пошла зачерпнуть священной воды.

Доманъ немедленно побѣжалъ за нею: она была уже у ключа, когда замѣтила приближавшагося Домана... Дѣвушка вспыхнула и опустила глаза.

— Я пришелъ подсобить тебѣ и снести за тобою воду, — началъ еметь, взявъ кружку изъ рукъ красавицы.

Та молчала и только испуганно смотрѣла по сторонамъ.

— Что скажутъ люди, — рѣшилась она, наконецъ, произнести, — когда увидятъ насъ вмѣстѣ!..

— Скажутъ, что я принесъ тебѣ поклонъ отъ брата, сестеръ, отъ стѣнъ, порога, огня...

Дива вздохнула.

— Скучно имъ безъ тебя, тоскуютъ они...

Дива, словно опасаясь чего-то, вырвала у Домана кружку и быстро исчезла.

Въ хижинѣ у больного толпилось множество любопытныхъ. Нана перевязывала рану; Визунъ приготовлялъ траву; Дива принесла священной воды, намочила ею чистую тряпку и приложила къ больному мѣсту.

— Ты скоро выздоровѣешь,—шепнула она Добеку, привѣтливо улыбаясь.—А теперь отдыхай...

Визунъ велѣлъ постороннимъ уйти изъ избы. На этотъ разъ Дива устроила такъ, что Доманъ не видѣлъ, какъ она скрылась.

Ему, впрочемъ, было не до того: его окружила большая толпа, прося рассказать о побѣдѣ, какъ кто сражался, сколько погибло людей.

Доманъ усѣлся на камнѣ предъ хижиною и началъ подробный рассказъ о недавнемъ событіи.

Долго онъ говорилъ, а чуть останавливался, сейчасъ-же слышалъ крики:

— Еще, еще, рассказывай еще!

Лишь позднею ночью согласились нетерпѣливые слушатели оставить Домана въ покоѣ и только тогда удалось ему зайти въ храмъ поклониться священному мѣсту. Онъ смутно надѣялся взглянуть лишній разъ на Диву. Но въ храмъ ея ужъ не было. Старуха Нана одна внимательно слѣдила за каждымъ движеніемъ кмета и не отступала отъ него ни на шагъ.

Доманъ вышелъ изъ храма и лугомъ направился къ берегу, съ цѣлью лечь въ лодкѣ, чтобъ отдохнуть. Онъ медленно шелъ задумавшись, какъ вдругъ услышалъ за собою чьи-то шаги. Онъ оглянулся.

Его догоняла Яруха, издали улыбаясь ему.

— Тянетъ тебя сюда... тянетъ,—сказала она.—Ой, знаю я, знаю все!.. А что тогда обѣщала—помнишь?—исполню!.. Потому—приворожить, заколдовать, все это мое дѣло!..

— А что-же ты сдѣлала для меня?—отвѣтилъ Доманъ, смотря вопросительно на старуху.—Дива по-прежнему сторонится?..

— Ишь ты какой!—вскричала колдунья.—Ты развѣ не знаешь, что женщина коль бѣжитъ отъ тебя, тѣмъ самымъ выражаетъ желаніе, чтобы ты ее догонялъ?

Она пошла къ Доману, внимательно оглядѣлась по сторонамъ, и шепнула ему:

— Теперь если силой возьмешь, не будетъ ужъ защищаться... не ранить тебя...

— А какъ-же ее изъ храма-то взять?

— Бывало и такъ... бывало!—сказала Яруха.—Спроси у Ви-

зуна! Князья не разъ увозили изъ храма дѣвицъ, кметы тоже, потомъ за нихъ приносили выкупъ...

Сказавъ это, Яруха скрылась въ кустахъ.

Доманъ настолько увлекся, обсуждая слова Ярухи, что всю ночь напролетъ и глазъ не сомкнулъ, а какъ утро настало, тотчасъ-же отправился въ храмъ.

Здѣсь увидѣлъ онъ Диву, которая, съ опущенною на грудь головою, стояла у раскрашеннаго столба и тихимъ голосомъ пѣла грустную пѣсню. Постепенно звуки дѣлались тише и тише—Дива умолкла. Доманъ, котораго она еще не замѣтила, приближался къ ней осторожно...

Дѣвушка подняла голову: лицо ея выражало печаль, хотя и съ отбѣнкомъ какой-то увѣренности; она лишь слегка покраснѣла.

Доманъ весело привѣтствовалъ Диву.

— Я-бы сказку тебѣ разсказалъ,—началъ онъ:—еслибы ты захотѣла меня послушать?

— Какую?—спросила Дива.

— О тебѣ и о самомъ себѣ,—отвѣтилъ Доманъ.—Что сказала-бы ты, еслибъ я внесъ за тебя выкупъ въ храмъ, а тебя взялъ отсюда въ свою свѣтлицу? У меня не было-бы ножа... чѣмъ-бы ты защищалась!—

Дива вспыхнула, отрицательно покачавъ головою.

— Нѣтъ, этому не бывать,—проговорила она.—Ты не сдѣлаешь этого...

— Ну, а если-бы сдѣлалъ?..

Говоря такимъ образомъ, Доманъ въ раздумьи опустилъ глаза внизъ; когда-же онъ поднялъ ихъ—Дивы не было у ограды. Она вошла въ храмъ, сѣла на камнѣ, прижала обѣ руки къ сердцу и, со страхомъ, поминутно оглядывалась...

Доманъ долго слѣдилъ за нею, наконецъ воскликнулъ съ рѣшимостью:

— Случалось-же прежде, да и не одинъ еще разъ... Почему-бъ и теперь не повториться тому-же... По доброй волѣ со мною не поидеть, но сопротивляться не будетъ... Безъ нея я жить не могу!.. Она должна быть моею!.. Собственною кровью заслужилъ я ее!..

Онъ ужъ хотѣлъ-было тронуться съ мѣста, какъ Визунъ неожиданно удержалъ его за руку:

— Что съ тобою, Доманъ!

— Еще вчерашняя битва изъ головы не выходитъ... да... и много другихъ дѣлъ, о которыхъ я думалъ ночью, во время безсонницы... Кстати — скажи-ка, старикъ, правда-ли, что князя увозили женщины изъ храма?..

Визунъ посмотрѣлъ на него.

— И не только князя, но и кметы?—прибавилъ Доманъ.

Старикъ долго угрюмо молчалъ.

— Скверные люди, скверно и дѣлали... Что-жъ тутъ особенно удивительнаго?.. Да тебѣ-то на что знать объ этомъ?

Оба взглянули другъ другу въ глаза.

— Казалось бы время тебѣ и домой воротиться,—промолвилъ сердито старикъ.—Нечего здѣсь безъ дѣла сидѣть...

Визунъ повернулся спиной къ кмету и тихо побрелъ въ свою хижину.

Доманъ со злостью поглядѣлъ ему вслѣдъ и направился къ берегу.

Тамъ Самборъ давно дожидался въ лодкѣ. Доманъ уселся съ нимъ рядомъ и оба, взявшись за весла, отвалили отъ берега. Доманъ мысленно повторялъ про себя:

— Видно, такъ суждено... Она будетъ моею!

XXX.

Уже издали можно было замѣтить людей, собиравшихъ трупы и складывавшихъ ихъ въ одну общую кучу, которую потомъ засыпали землею. Люди работали надъ могилами—казалось, гдѣ-бы тутъ взяться веселью? Между тѣмъ, отовсюду неслись пѣсни и оживленные крики.

— Вотъ чѣмъ кончилось ваше желаніе насъ уничтожить, разбойничье племя! Куда дѣвались ваши увѣренность, мужество ваше, да плѣнные? Горсть земли на глаза, ударъ въ грудь копьемъ—вотъ вамъ и вся награда... Долго будутъ васъ ждать ваши жены,

стоя у пороговъ своихъ... Вернетесь къ нимъ вурдалаками развѣ, чтобъ по ночамъ высасывать кровь изъ дѣтей...

Итакъ, безпрестанно мѣняясь, дружина Пяста рыла могилы день, рыла другой и третій—до тѣхъ поръ, пока мать сырая земля не покрыла всѣхъ. Тѣла павшихъ въ битвѣ полянъ предали торжественному сожженію.

Когда покончили съ очисткою поля, Пясть, собравъ своихъ воеводъ и старшинъ, обратился къ нимъ съ рѣчью:

— Я сказалъ вамъ, что на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ судьба намъ полплеть первую нашу побѣду, я велю выстроить стольный городъ. Какъ сказать, я, такъ и быть должно. Но не время еще приступать къ работамъ: сперва пусть вернутся тѣ, что пошли на поморцевъ покарать ихъ мечомъ и огнемъ; сперва подумаемъ, какъ-бы Лешковъ въ плѣнъ захватить, чтобы опять не пожаловали сюда со своими проклятыми нѣмцами... Пусть теперь отдыхаютъ всѣ... А тамъ соберемся и мы въ поморскую землю, на охоту за молодыми князьями...

Эта вѣсть всѣхъ обрадовала, и каждый пошелъ готовить оружіе. Въ Миршовой хижинѣ, снова обстроенной на скорую руку, гостилъ бортникъ-князь у стараго гончара. Кметы собирались недолго. Былъ назначенъ и день выступленія въ походъ, какъ однажды, утромъ, замѣтили нѣсколькихъ всадниковъ, выѣзжавшихъ изъ лѣса. То были Бумиръ и Лешки. Медленно подвигались они впередъ, ни съ кѣмъ не здороваясь; да и ихъ никто, ни рукою, ни словомъ, не подумалъ привѣтствовать. Доѣхавъ до хижины Пяста, всадники сошли съ лошадей.

Стоявшіе тутъ воеводы грозно смотрѣли на нихъ, но Бумиръ отвѣтилъ имъ тѣмъ-же. Онъ сдѣлалъ знакъ своимъ спутникамъ, и прибывшіе, не снимая съ головы колпаковъ, вошли въ княжескую свѣтелку. Пясть сидѣлъ у стола, приготовляясь къ обѣду.

Вошедшіе остановились предъ нимъ.

— Ты насъ знаешь,—обратился Бумиръ къ старику.—Мы Лешки, сыновья той-же земли, на которой и ты родился.

— А теперь завзятые наши враги, — сказалъ негодующимъ голосомъ Пясть.

Бумиръ тяжело вздохнулъ.

— Не говори этого, — отвѣтил онъ: — вы первые пролили нашу кровь.

— Нѣтъ, мы только за нашу искали мщенія, — возразилъ Пясть: — а проливали ее Лешекъ, Пепелекъ, старый и молодой... Много, много они напились нашей крови, прежде чѣмъ успѣли мы наказать ихъ за это.

Бумиръ переглянулся съ товарищами.

— И не только кровь, — продолжалъ старикъ, — вы хотѣли отнять у насъ вѣче, свободу, а этого мы допустить не могли... Это наслѣдство, доставшееся къ намъ отъ дѣдовъ...

— Пясть, — сказалъ Бумиръ торопливо, — мы пришли къ тебѣ не съ тѣмъ, чтобы ссориться, или сѣтовать, мы все желаемъ мира.

— Говорите, съ чѣмъ явились ко мнѣ.

— Согласіе, миръ принесли мы съ собою, — отвѣчалъ Бумиръ. — Споконъ вѣку жили мы на одной землѣ, жили — не ссорились... Хватало для всехъ и воздуха, и воды, и хлѣба! Или ты хочешь уничтожить весь Лешковъ родъ, чтобъ о немъ и помину не было? Говори!

— Лешки съ чужими нападаютъ на наши земли, — промолвилъ Пясть въ отвѣтъ на вопросъ. — Сыновья Пепелка дѣйствуютъ, какъ злѣйшіе наши враги, понятно, и мы отвѣчаемъ имъ тѣмъ-же.

— Но вѣдь они хотѣли лишь отомстить вамъ за смерть отца своего и матери, а кровь родителей для дѣтей священна, — защищался Бумиръ.

— Довольно-ли имъ той, которую пролили? — спросилъ Пясть.

— Мы съ миромъ пришли, — продолжалъ Бумиръ: — будемъ жить въ братскомъ согласіи, поклянемся въ томъ на священной водѣ, на „камяхъ, брошенныхъ въ воду“! Дозволь вернуться къ землямъ своимъ сыновьямъ Пепелка, примири нашъ родъ съ кметами...

Пясть призадумался.

— Почему именно вы явились ко мнѣ, а не сами они, такъ недавно еще воевавшіе съ нами?

— И они придутъ, — отвѣчалъ Бумиръ.

— Пусть придутъ, пусть выскажутъ желанья свои предо мною, старшинами, кметами. Если между нами согласіе не выйдетъ — мы отпустимъ ихъ съ миромъ... Мы вотъ сегодня хотѣли выступить на границу — теперь-же будемъ стоять здѣсь и ждать

коли правду сказалъ ты о мирѣ. И такъ, приводи-же ихъ скорѣе!..

Лешки вышли изъ хижины, сѣли на лошадей и поѣхали во-свояси. Никто до нихъ не дотронулся пальцемъ.

По отъѣздѣ ихъ, Пясть вышелъ на дворъ и обратился къ вое-водамъ со словами:

— Вы ихъ видѣли всѣхъ. Они миръ предлагаютъ... Говорите, что вы думаете сдѣлать?

Воеводы и старшины взволновались, недовольные этою вѣстью. Одни считали необходимымъ продолжать войну; другихъ возму-щало то, что Лешки избѣгнуть примѣрнаго наказанія; большин-ство-же не вѣрило ни словамъ, ни клятвамъ желавшихъ ми-риться...

Особенно омрачились лица у всѣхъ, когда Пясть объявилъ, что слѣдуетъ обождать и не трогаться съ мѣста.

Въ первый разъ Пясть замѣтилъ, что желанія его не сошлись съ желаніями воеводъ и старшинъ.

— Подождемъ пока,—сказалъ онъ,—а какъ Лешки пріѣдутъ, тогда пусть каждый и выскажетъ свое мнѣніе. Я буду внима-тельно слушать и поступлю согласно съ вашей волей, если при-знаю ее справедливой.

Снова воины разложили костры. Всюду шли оживленные толпы. Изъ воеводъ ни одинъ не хотѣлъ и слышать о предложенномъ мирѣ. Мышки усердно возбуждали всѣхъ противъ Лешковъ, опа-саясь со стороны послѣднихъ кровавой мести. Пясть, по обыкно-венію, молчалъ.

Три дня прошло такимъ образомъ—никто не являлся. Недо-вольство кметовъ замѣтно росло. Многіе открыто высказывали, что Лешки хотѣли лишь выиграть время, обманувъ стараго князя.

Все это Пясть оставлялъ безъ вниманія, но едва воеводы по-требовали настойчиво выступленія въ походъ, онъ сурово имъ объявилъ, что будутъ ждать до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не прикажетъ имъ тронуться съ мѣста.

Наконецъ, ужъ на пятый день показалась — но не прежняя, бѣдная численностью, кучка людей, а цѣлая дружина, шедшая кметамъ навстрѣчу. Впереди колыхался стягъ, на которомъ изо-браженъ былъ драконъ съ открытою пастью. За стягомъ ѣхали

Лешекъ и Пепелекъ, просто одѣтые, безъ всякихъ наружныхъ признаковъ княжеской власти; дальше видѣлись—Бумиръ и прочіе родичи Лешковъ. Медленно, въ глубокомъ молчаніи, приближались всё къ хижинѣ Пяста и здѣсь остановились.

Пясть созвалъ воеводъ и старшинъ. Онъ вышелъ къ собравшимся въ старой сермягѣ, сохранивъ, въ знакъ достоинства княжяго, одинъ только мечъ. Для того, чтобы удобнѣе совѣщаться, необходимо было расположиться всёмъ полукругомъ, то Пясть, занявшій мѣсто въ центрѣ старшинъ — въ воспоминаніе прошедшихъ дней велѣлъ принести себѣ улей, на которомъ и сѣлъ. Воеводы явились замѣтно разряженные.

Долгое время обѣ стороны хранили молчаніе, искоса поглядывая другъ на друга. Наконецъ, Лешки вышли впередъ, а Бумиръ сталъ во главѣ ихъ.

— Принесли мы съ собою миръ,—сказалъ онъ:— рады жить съ вами въ добромъ согласіи ..

— Пусть рѣшатъ старшины, какъ намъ быть и что дѣлать,—отвѣтилъ Пясть, обращаясь къ своимъ.

Никто еще не успѣлъ и слова сказать, какъ изъ толпы любопытныхъ вышли два незнакомца, извѣстные уже по прежнимъ своимъ появленіямъ въ критическія для полянъ минуты. Оба они подошли къ Пясту.

Пясть приподнялся съ сидѣнья и привѣтствовалъ ихъ. Они поспѣшили освѣдомиться, что означали это сборище и этотъ совѣтъ.

— Домашняя расправа двухъ родовъ, дѣтей единой земли,—молвилъ Пясть.—Много она намъ стоила крови! Теперь Лешки предлагаютъ мириться...

— А вы?... —спросилъ младшій гость.

— Старшины будутъ рѣшать... Взойдите, сядьте и не откажите совѣтомъ...

Гости сѣли, а когда кметы узнали ихъ, то дружески обмѣнялись съ ними привѣтствіями. Всѣ радовались появленію ихъ въ эту минуту.

Затѣмъ, начали говорить старшины, обращаясь къ собранію. Одни возставали противъ Лешковъ, обвиняя ихъ родъ въ измѣнѣ, въ томъ, что отецъ ихъ пролилъ такъ много безвинной крови, а

наконецъ, еще въ томъ, что они и теперь пришли попытаться, не удастся-ли имъ захватить власть въ свои руки, посягнуть на свободу полянъ...

Другіе, — среди этихъ Мышки играли главную роль, — открыто выражали свою ненависть ко всему, что хотя отдаленно касалось Лешковъ. Зажигающими рѣчами они чуть не надѣлали великой бѣды: ужъ у многихъ руки чесались, держась за оружіе, многія лица блѣднѣли... Вдругъ младшій гость поднялся съ мѣста и обратился къ Пясту и старшинамъ съ просьбою дозволить ему высказать нѣсколько словъ.

— Мы гости и страчники, — произнесъ онъ, — но въ вашемъ дѣлѣ общая съ вами мать взываетъ къ нашимъ сердцамъ. Благочестивые войны, подайте другъ-другу руки въ знакъ мира и восстановленнаго согласія... Простите взаимно обиды, забудьте обоюдныя оскорбленія, живите не ссорясь... Вы сознаете, что земли вашей хватитъ на всѣхъ! У васъ есть общіе враги, иного языка, иного племени; отъ нихъ слѣдуетъ вамъ себя оградить. А кому больше на руку ваши ссоры, какъ не тѣмъ-же врагамъ? И такъ, — не лучше-ли протянуть руки другъ-другу? Защищаться общими силами? Да господствуютъ миръ и согласіе между вами!..

Долго говорилъ чужестранный гость, и хотя старшины сперва не хотѣли и слышать о томъ, чтобы мириться, но онъ такъ сумѣлъ затронуть ихъ чувства, такъ подѣйствовалъ на ихъ умъ, что по-немногу кметы начали улыбаться, успокаиваться, а по лицамъ ихъ видно было, что они ужъ не прочь отъ мира.

Болько Черный вымолвилъ первымъ:

— Пусть-же будетъ по ихъ совѣту; но какія доказательства и залогъ предложить намъ Лешки въ томъ, что миръ дѣйствительно сохранять, — что завтра-же дѣды ихъ, иль нѣмецкіе дяди не вторгнутся въ нашу землю, прослышавъ, что войско мы распустили?..

— Мы-же будемъ жить среди васъ безоружные, — отвѣтилъ Бумиръ: — наши головы лучшій залогъ!

— Кто-жъ поручится, — прибавилъ и Мышко, — что вмѣсто дружбы, которой сегодня вы добиваетесь, не взбрѣдетъ вамъ на умъ завтра потребовать власти?

— Дадимъ вамъ торжественную клятву на „камень, брошен-

номъ въ воду“,—сказалъ Вумиръ.—Что можемъ мы вамъ предложить въ залогъ, если вы не довольствуетесь словомъ, клятвою, нашими головами?

Долго совѣщались старшины. Пясть спокойно выслушивалъ мнѣнія ихъ. Наконецъ, онъ поднялся съ мѣста, сказавъ:

— Теперь отправимся къ священному озеру; пусть каждый изъ насъ запасется камнемъ, для обряда торжественной клятвы... Бросая его на дно, повторимъ, что говаривали наши отцы: „Какъ этотъ камень, брошенный въ воду, такъ пусть исчезнуть всѣ наши ссоры съ враждой на вѣки“.

— Какъ камень въ воду!—воскликнули въ одинъ голосъ всѣ Лешки.

Старшины и воеводы угрюмо молчали, но князь, окинувъ ихъ грознымъ взглядомъ, поднялъ камень съ земли и сказалъ:

— Идемъ всѣ!

Лешки шли впереди, за ними воеводы и Пясть съ старшинами. У каждого было по камню въ рукахъ. Пясть первый исполнилъ обрядъ, примѣру его послѣдовали другіе и воздухъ огласился криками радости, вылетѣвшими изъ тысячи грудей.

Наступила минута общаго ликования. Лешки отъ души обнимали кметовъ. Всюду разослали гонцевъ объявить, что войны ужъ больше не будетъ, что вернулись дни мирной, спокойной жизни... Хвостковы сыновья—хоть этотъ миръ и не пришелся особенно имъ по вкусу, такъ какъ лишалъ ихъ не только власти, но и подчинялъ волѣ народной и Пяста—молча на все согласились. Поступи они иначе—и весь Лешковъ родъ навсегда-бы отъ нихъ отрекся. Къ тому-же быть можетъ они надѣялись, что со-временемъ многое перемѣнится...

Кметы и Лешки легли отдохнуть на берегу озера, а челядь разбрелась по окрестнымъ домамъ, съ тѣмъ, чтобъ забрать оттуда все нужное для готовившагося празднества.

Пиръ назначенъ былъ на слѣдующій день. Кметы распорядились послать за пѣвцами, гуслярами, кудесниками... Пригласили и старика Визуна. Позаботились о священномъ огнѣ, чтобъ зажечь первый костеръ и о водѣ изъ священнаго ключа. А во время этихъ приготовленій, какъ и прежде бывало, чужіе гости куда-то исчезли.

Въ знаменательный день—день закладки полянской столицы—солнышко весело глянуло изъ-за лѣсу и покатилося по синему небу. Пясть, окруженный старшинами, воеводами и народомъ, вышелъ въ поле. По стариннымъ обычаямъ, мѣсто, гдѣ предполагалось основать новый городъ, должно было кругомъ опахать новымъ плугомъ...

Но, по странной случайности, впопыхахъ кметы совсѣмъ забыли о плугѣ... Растерянные, они не знали, что дѣлать, какъ внезапно кто-то изъ нихъ увидѣлъ, нѣсколько въ сторонѣ, среди поля, новешенькій плугъ, запряженный парю черныхъ воловъ. Онъ стоялъ безъ присмотра и, какъ видно, ждалъ своего хозяина,

Пясть съ окружающими его старшинами, народомъ и гусярами подошелъ къ плугу; волю, словно этого только ждавшіе, медленно стали подвигаться впередъ.

Теперь, какъ и въ день памятной битвы, двѣ бѣлыя птицы плавали въ воздухѣ надъ самою головой Пяста, а два аиста, мѣрно шагая, сопровождали его по бокамъ. Ни пѣнье, ни шумные возгласы, нисколько ихъ не пугали. Стройное шествіе подвигалось вдоль борозды, вспаханной Пястомъ, который затѣмъ уступилъ свое мѣсто старшему воеводѣ.

— Я первый вспахалъ землю,—замѣтилъ при этомъ Пясть,—но слѣдуетъ принять и другимъ участіе... Всѣмъ надо работать,—каждый долженъ принести свой посильный трудъ, чтобы городъ—столица былъ общимъ дѣломъ.

— Лада!—крикнулъ народъ въ отвѣтъ на эти слова.

Старшій воевода пахалъ послѣ Пяста, за нимъ другой, третій и такъ до послѣдняго; а затѣмъ ужъ всякій, кто только хотѣлъ и умѣлъ приблизиться къ плугу, окруженному густою толпой народа... Вскорѣ пространство, на которомъ долженъ былъ стать будущій городъ, оказалось очерченнымъ глубокою бороздою; она прерывалась только въ томъ мѣстѣ, гдѣ предполагалось устроить ворота.

На пригорѣ у самого озера кметы развели огонь, принесенный изъ храма. Тамъ ужъ лежали стволы громаднхъ деревьевъ, предназначенныхъ для закладки княжяго дома. По обычаю протцевъ, ради избавленья постройки отъ злыхъ духовъ, необходимо нужно было основывать ее на чьей-нибудь „головѣ“. У кого

не было большихъ достатковъ, тотъ довольствовался хотя-бы и головой цѣтуха, которую клалъ подъ первую балку. Поэтому-то, на случай, пригнали сюда двѣнадцать нѣмецкихъ плѣнниковъ, головы коихъ обречены были въ жертву. Къ счастью для нихъ, однако, въ вырытой ямѣ нашлась такая масса человѣческихъ костей, что Визунъ, считая это блестящей примѣтой, объявилъ, что новыхъ жертвъ не требуется, коль-скоро судьба ужъ давно сама о томъ позаботилась.

Первыя балки и доски обозначили на землѣ основаніе будущаго княжьяго дома. Посерединѣ поставили столъ, покрытый шитыми полотенцами, а на нихъ лежалъ хлѣбъ, чтобы въ немъ не встрѣтилось недостатка. Когда все уже было готово, и первому человѣку слѣдовало переступить порогъ, черезъ него сперва погнали барана, котораго тутъ-же и принесли въ жертву богамъ, затѣмъ вошелъ Пясть и старшины, угощавшіе cadaго, кто входилъ внутрь сруба. Пѣніе безъ умолку продолжалось цѣлый день и всю ночь...

Раннимъ утромъ, послѣ торжества, началъ расходиться народъ по домамъ; воеводы возвращались къ себѣ со своими дружинами. Остались лишь немногіе для того, чтобы на всякій случай было кому защитить новый городъ и князя. Лѣса оглашались веселыми пѣснями: всѣ радовались, что послѣ бури насталъ наконецъ столь желанный миръ.

Работа, между тѣмъ, быстро подвигалась впередъ. Княжескій домъ, а затѣмъ дома для его дружины и другія строенія, точно изъ земли выросали.

Пясть жилъ въ простомъ шалашѣ до тѣхъ поръ, пока не окончили его новаго дома. Но и послѣ того старикъ продолжалъ частенько-таки навѣщать свою прежнюю хижину въ лѣсу, съ которой ему, на первыхъ порахъ, не легко было разставаться. Когда, наконецъ, и крыша явилась на новомъ домѣ и двери можно было ужъ запирать—весь скarbъ стараго бортника перевезли изъ его ветхой хижины въ новый княжескій домъ, чтобы прежняя бѣдность Пяста всегда напоминала ему и его потомкамъ, что онъ изъ кмета по волѣ народа сдѣлался княземъ.

Хотя старикъ и началъ носить княжескій плащъ и колпакъ, но старую сермягу свою онъ приказалъ повѣсить въ свѣтлицѣ на

видномъ мѣстѣ, чтобъ всегда могъ увидѣть ее, когда вздумается. Велѣлъ онъ тоже передъ домомъ поставить улей, въ воспоминанье любимаго пчельника. А весною случилось событіе, до тѣхъ поръ никѣмъ и не слыханное: аистъ, жившій на старой хижинѣ Пяста, свилъ себѣ гнѣздо на его княжескомъ домѣ.

Сына своего, Земовида, старый князь такъ воспитывалъ, чтобы онъ никогда не забывалъ о своемъ происхожденіи и наравнѣ съ бѣднѣйшими кметами умѣлъ-бы довольствоваться немногимъ, не боясь труда, голода, стужи, въ случаѣ еслибы обстоятельства того потребовали.

Намъ остается теперь сказать нѣсколько словъ о судьбѣ Домана и Дивы, которая вскорѣ рѣшилась.

Когда кметы разъѣхались по домамъ, вернулся и Доманъ къ себѣ. Онъ долго мучился, не зная что дѣлать, чтобъ разъ навсегда—или позабыть красавицу, образъ которой никакъ не могъ изгнать изъ своей головы, или рѣшиться похитить ее изъ храма. Добекъ все еще лежалъ въ Визуновой хижинѣ: рана его зажила плохо. У Домана такимъ образомъ былъ предлогъ отправиться на островъ, чтобъ навѣстить стараго друга, чему, конечно, никто - бы не сталъ удивляться. Наконецъ, Доманъ рѣшился съѣздить на Ледницу, но уже не одинъ. Онъ избралъ изъ числа своихъ слугъ нѣсколько болѣе сильныхъ парней и велѣлъ имъ слѣдовать за собою.

Постройка княжяго города привлекла къ себѣ много народа,—простыхъ рабочихъ и плотниковъ, среди которыхъ Пясть расхаживалъ взадъ и впередъ, внимательно слѣдя за работою. Доманъ такимъ образомъ встрѣтилъ здѣсь слишкомъ много свидѣтелей, и принужденъ былъ искать менѣе люднаго мѣста, откуда удобнѣе было-бы проскользнуть на островъ.

Наконецъ, къ вечеру Доманъ и его спутники нашли подходящее мѣсто. Тутъ, среди кустарниковъ, оставили они своихъ лошадей. Рыбаки дали имъ лодку и Доманъ, въ сопровожденіи пяти коренастыхъ парней, переѣхалъ на островъ, заранѣе объяснивъ слугамъ, что предстояло имъ дѣлать.

Лодка причалила къ берегу сзади храма, гдѣ рѣдко кто оста-

навливался. Спрятавъ лодку въ густыхъ камышахъ и оставивъ людей дожидаться, Доманъ направился къ Визуновой хижинѣ.

Визунъ, какъ только замѣтилъ приближавшагося Домана, протянулъ къ нему обѣ руки, потому-что онъ крѣпко любилъ своего воспитанника и радъ былъ видѣть его у себя. Визунъ не сомнѣвался, что Доманъ пріѣхалъ на островъ съ единственной цѣлью—навѣстить Добека, который хотя еще не вполне оправился, все же съ помощью палки могъ выходить изъ избы и сидѣть передъ хижиною.

Когда молодые люди остались наединѣ, Доманъ откровенно признался другу въ своемъ намѣреніи.

— Заведи,—сказалъ онъ,—со старикомъ разговоръ, и какъ только услышишь ты крикъ или шумъ, то старайся все такъ устроить, чтобъ старику невозможно было сейчасъ-же за мною погнаться. Тѣмъ временемъ я успѣю отчалить отъ берега... Я дамъ за нее выкупъ, какого только потребуютъ—но взять ее долженъ. Я купилъ ее цѣною собственной крови!..

Вечерѣло. Доманъ направился въ храмъ, гдѣ разсчитывалъ встрѣтить Диву.

Дивы, однако, тамъ не было.

Доманъ искалъ ее въ храмѣ, въ садикѣ, по всему острову—спросить про нее онъ боялся; Дивы и слѣдъ простылъ. Наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ онъ увидѣлъ ее на берегу озера. Сперва было Дива хотѣла бѣжать, чтобъ не встрѣтиться съ Доманомъ съ глазу на глазъ, но онъ такъ ловко заступилъ ей дорогу, что красавицѣ не пришлось отъ него увернуться.

Дива остановилась, желая тѣмъ показать, что вовсе его не боялась. Доманъ ближе къ ней подошелъ. Какъ-разъ почти у того же мѣста, въ камышахъ, стояла и лодка.

— Я пріѣхалъ сюда за Добекомъ,—началъ весело кметъ,—но онъ, бѣдняга, все еще боленъ. Не хорошо-же вы за нимъ ухаживаете...

— За нимъ присматриваютъ Визунъ съ Наной и я, — отвѣтила Дива,—но его ударили ядовитымъ копьемъ, и потому онъ такъ медленно поправляется.

— Моя рана, хотя была и въ груди, а зажила гораздо скорѣе! Дива потупила взоръ и молчала. Доманъ подошелъ къ ней

еще ближе; она отшатнулась назадъ... На лицѣ ея выразался ужасъ и предчувствіе близкой опасности...

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя Доманъ увидѣлъ голову одного изъ привезенныхъ имъ слугъ, который осторожно высматривалъ, кто приближается.

Какъ-разъ въ ту минуту, когда Дива намѣревалась спастись бѣгствомъ, Доманъ бросился къ ней, поднялъ съ земли и, не обращая вниманія на то, что Дива звала на помощь, быстро понесъ ее въ лодку.

Слуги его ужъ были готовы отчалить. Доманъ вошелъ въ воду, держа на рукахъ Диву, ломавшую руки, вскочилъ съ нею въ лодку и приказалъ какъ можно скорѣе грести...

Дива заливалась отчаянными слезами, но усилій не дѣлала, чтобы вырваться изъ объятій Домана. Она упала на самое дно лодки и закрыла лицо руками.

Крикъ Дивы, видно, услышала Нана, потому-что сейчасъ-же пришла на берегъ. Въ то время лодка была ужъ далеко отъ острова. Старуха ничего не могла разглядѣть, кромѣ лодки.

Прибѣжалъ и Визунъ. Старикъ безъ труда догадался, въ чемъ дѣло. Внѣ себя отъ гнѣва, онъ поднялъ вверхъ палку, угрожая ею удалявшимся... Но было уже поздно!

Доманъ ночью привезъ невѣсту на другой берегъ. Она плакала, молчала упорно, не смотрѣла на Домана, но противиться— не противилась. Все, что съ нею случилось, сочла она за велѣніе судьбы. Доманъ посадилъ ее на лошадь и поскакалъ съ нею, но не къ себѣ, а въ Вишеву хижину, хотя не говорилъ ей объ этомъ.

Изъ родительскаго дома онъ хотѣлъ взять свою будущую жену, чтобы никто не посмѣлъ сказать впослѣдствіи, что онъ исключительно завладѣлъ ею силою. Когда на слѣдующій день Дива сквозь слезы увидѣла знакомый ей уголокъ родной земли, губы ея засмѣялись, глаза повеселѣли. Кроткимъ, тихимъ взглядомъ поблагодарила она Домана.

Утро было холодное, ясное. Они остановились у воротъ. На дворѣ у колодца стояла Живя съ другими женщинами. Людекъ виднѣлся въ дверяхъ, приготовляя охотничьи приборы. Когда появился Доманъ съ женщиною, лицо которой было закрыто латкомъ, всѣ къ нему бросились.

Дива, соскочивъ съ лошади, забыла обо всемъ происшедшемъ и, растроганная, но счастливая, здоровалась со своими родными. Обѣ сестры кинулись другъ-другу въ объятья, братъ разспрашивалъ о случившемся...

Доманъ, между тѣмъ, приблизился въ свою очередь.

— Людекъ, братъ мой,—сказалъ онъ:—я привезъ тебѣ сестру, судьба предназначила ее мнѣ... Она должна быть моею, но я хочу ее взять не иначе, какъ изъ твоихъ рукъ, изъ-подъ кровли отцовской... Вотъ благослови насъ, а тамъ сыграемъ и свадьбу!

Дива одновременно плакала и смѣялась... Людекъ и младшій его братъ ударили съ Доманомъ по рукамъ...

Вскорѣ прибыли сваты, назвали гостей, пріѣхалъ красавецъ женихъ, сыграли свадьбу, а гости семь дней ѣли, пили, плясали, веселились...

И я тамъ былъ, медъ, пиво пилъ,—потому вѣдь каждое сказаніе должно-же этимъ оканчиваться!

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Трудно, а иногда почти невозможно, рассказать первые годы жизни ребенка. Не менѣе трудно передать и о первыхъ дняхъ развитія народа, потому-что они не имѣютъ наблюдателей, которые сѣумѣли-бы сохранить воспоминанія въ поученіе будущимъ поколѣніямъ. Подобно тому, какъ дитя, сейчасъ-же послѣ рожденія, растетъ, развивается съ быстротой изумительной—и народъ, обладающій еще непочатымъ запасомъ энергіи, развивается такъ-же быстро, готовясь къ роли, заранѣе судьбой ему предначертанной.

Ничего нѣтъ труднѣе, какъ поднятіе завѣсы, покрывающей первые годы жизни цѣлаго народа. Эти минуты очень мало оставляютъ слѣдовъ и памятниковъ. Аналогія, сравненіе, нѣкоторые незыблемые законы развитія, общіе всему человѣчеству, позволяютъ намъ строить кое-какія соображенія о первыхъ дняхъ жизни польскаго народа.

Изъ отдѣльныхъ семействъ созидаются роды, племена, гмины, наконецъ, цѣлый народъ, но сущность этой формаціи, перехода отъ части къ грандіозному цѣлому, не дается намъ въ руки, мы не можемъ прослѣдить постепенность такого процесса. Эмбриологія народа навсегда останется только вѣроятностью, гипотезою.

Исторія славянъ, вообще, долгое время покрыта туманнымъ покровомъ: никто ихъ не знаетъ, никто не говоритъ объ нихъ. Среди подобнаго историческаго безмолвія, лишь нѣкоторыя неясныя указанія даютъ намъ возможность догадываться, что славяне существовали въ прежнія времена на тѣхъ-же земляхъ, на кото-

рыхъ въ послѣдствіи являються въ видѣ множества мелкихъ племенъ одной крови, одного языка... Иногда причисляли ихъ къ другимъ, совершенно имъ чуждымъ національностямъ, иногда игнорировали и самое ихъ существованіе.

Геродотова Скифія — это вѣдь славяне въ пеленкахъ, но мы это чувствуемъ только, — вѣскихъ доказательствъ у насъ нѣтъ. Германія Тацита точно также захватываетъ собою и славянскія земли. Это имѣетъ свое значеніе.

Въ то время, когда другіе народы всѣми силами добиваются славы, славяне желаютъ мира, живутъ спокойно и у домашняго очага находятъ все, что составляетъ содержаніе ихъ жизни.

Первое появленіе славянъ въ исторіи вполне соотвѣтствуетъ ихъ доисторическому прошлому.

Вотъ первое свидѣтельство о бытіи славянъ на землѣ. Первое это появленіе славянъ въ исторической роли проникнуто чѣмъ-то мистическимъ.

Около 629 года записываетъ Феофилактъ Симоката: „Проедшаго дня королевская стража поймала трехъ мужей, родомъ славянъ (склябеней). При нихъ не нашли никакого оружія, въ рукахъ они держали гусли, а кромѣ этого у нихъ ничего больше не было. Тогда король (Маврикій, греческій императоръ) спросилъ ихъ, гдѣ живетъ славянскій народъ и по какой причинѣ они рыскають вблизи римскихъ границъ? Они отвѣчали, что зовутся славянами, что живутъ по берегамъ западнаго моря и что Хаганъ (ханъ аваровъ) прислалъ къ нимъ своихъ пословъ съ цѣлью получить отъ нихъ военную помощь; въ то-же время владыкамъ прислалъ много подарковъ. Владыки приняли пословъ и дары, но помощи дать не захотѣли по той причинѣ, что отдаленность мѣста войны не по ихъ средствамъ; съ этимъ-то владыки послали къ Хагану ихъ троихъ, въ настоящее время пойманныхъ, чтобы они оправдали владыкъ передъ нимъ. Они, дѣйствительно, пробыли пятнадцать мѣсяцевъ въ дорогѣ и явились къ Хагану. Но Хаганъ, не обращая вниманія на право пословъ, рѣшилъ препятствовать обратному слѣдованію ихъ въ славянскую землю. Они-же, наслышавшись много о богатствахъ и человѣчности римскаго народа (какъ это смѣло, сказать надлежитъ), воспользовались удобнымъ случаемъ и ушли во Фракію. Затѣмъ, они объясняли, что носятъ

съ собою гусли потому, что не привыкли къ мечамъ, такъ-какъ въ ихъ землѣ желѣза не знаютъ, а живутъ въ мирѣ, согласіи. Они играютъ на гусяхъ, потому-что въ трубы трубить не умѣютъ. Потому-что, какъ они справедливо замѣтили, кто не знаетъ войны, тотъ долженъ находить удовольствіе въ музыкѣ. Заслышавъ это, самодержецъ полюбилъ ихъ и удостоилъ гостепріимствомъ своимъ, ихъ — единственныхъ изъ всѣхъ варваровъ, съ которыми когда-либо государь встрѣчался; удивляясь-же ихъ высокому росту и тѣлесной красѣ, отослалъ онъ ихъ въ Гераклею.“

Вотъ въ какомъ идеальномъ свѣтѣ является въ исторіи это племя славянъ, которому чужды были мечи, которое съ пѣсней, да съ гуслими отправилось къ хану аваровъ и къ императору Маврикію.

Тоже самое утверждаетъ о славянахъ и Іорнандъ, говоря объ нихъ: „*armis disperiti*“.

При такихъ обстоятельствахъ, вдали отъ воинственныхъ звуковъ и шума битвъ, вырабатывается у славянъ своеобразная общественная жизнь, главныя формы которой являютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и высоко развитую цивилизацію. Чѣмъ глубже смотрѣть въ ихъ жизнь, тѣмъ болѣе идеальною она представляется.

Вѣра во единого Бога, супружеская жизнь, чистота нравовъ, уваженіе чужой собственности — въ такой высокой степени, что даже дома не имѣли запоровъ; гостепріимство, патриархальный образъ правленія, гмины, федеративный союзъ,—все это легко замѣтить даже въ доисторическую эпоху славянъ (см. у Прокопа). Войны, необходимость защиты отъ нападеній враговъ, необходимость въ оружіи, заимствованныя у сосѣднихъ племенъ новыя понятія и обычаи способствовали тому, что вслѣдъ за ихъ появленіемъ наступаетъ процессъ разложенія, порчи и выработки чего-то такого, что необходимо должно было измѣнить и условія быта и самый темпераментъ славянъ. Остаются лишь проблески прежней организаціи, которая, потерявъ свою внутреннюю мощь къ дальнѣйшему саморазвитію, должна испытать новую фазу переработки.

Только такая жизнь, какую вели славяне въ то время, когда гусли были единственнымъ ихъ оружіемъ, позволяла созидать и вырабатывать самостоятельную цивилизацію. Чужое вліяніе измѣнило условія развитія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что первыя минуты такого перерожденія народнаго организма всегда выражаютъ упадокъ силъ и минутныя заблужденія.

Въ борьбѣ славянъ съ германцами всегда выступаютъ на первый планъ остатки стараго организма, которому даже враги отдаютъ полную дань уваженія, а кромѣ того, какъ необходимое слѣдствіе новой цивилизаціи, являются: болѣзненное состояніе, упадокъ, слабость силъ. Славяне теряютъ то, что сами вырабатывали, и не могутъ усвоить того, что заимствуютъ у другихъ, въ видѣ мало понятнаго, вовсе не принаровленнаго къ ихъ природѣ.

Эти люди, незнающіе желѣза, втеченіи многихъ, долгихъ вѣковъ не въ состояніи достаточно сжиться съ новыми бытовыми условіями, сохраняютъ отпечатокъ своей расы, остаются мечтателями, какими до того были, позволяютъ не только завоевывать свою землю, но и обращать и себя въ рабство.

Съ теченіемъ времени, славянскія племена, благодаря различнымъ условіямъ — климата, сосѣдей, жизни — различно и развиваются. Они начинаютъ дробиться на разные — не народы, этого нельзя сказать, но на группы, которыя, въ видахъ самозащиты, сливаются. Это составляетъ ту таинственную эпоху, въ періодъ которой созидаются элементы, долженствующіе въ будущемъ образовывать Лехію. Эта вторая колыбель Польши окружена такимъ-же непроницаемымъ мракомъ, какимъ вообще окружена первоначальная жизнь славянъ.

И здѣсь и тамъ легенды, сказанія, другими словами, поэзія, составляютъ главный матеріалъ. Кромѣ этого матеріала, по-временамъ, у насъ кое-что находятъ и въ старыхъ могилахъ, но опредѣленіе эпохи, къ которой принадлежатъ тотъ или другой найденный памятникъ, въ большинствѣ случаевъ, весьма затруднительно.

О Лехіи, — почти до того періода, когда она уже является принявшею христіанство и то дружить съ германцами, то борется съ ними, — у насъ сохранились преданія лишь очень смутнаго характера.

Въ наши дни мы встрѣчаемъ эти преданія уже не въ устахъ народа, давно забывшаго ихъ, а на пыльных страницахъ хроникъ, куда заносились они далеко не въ томъ видѣ, въ какомъ

создавались народомъ: каждый лѣтописецъ старался прибавить къ нимъ что-нибудь отъ себя — колоритъ, направленіе, вообще, что соответствовало-бы понятіямъ современной ему эпохи.

Всѣ безъ исключенія историки сходятся въ томъ, что историческія преданія о первыхъ годахъ жизни народа, составляютъ смѣсь элементовъ разнороднаго происхожденія. Все-же изъ нихъ можно добыть кое-что, такъ-же точно, какъ и изъ старыхъ могилъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что историческія преданія о Лешкахъ, Попеляхъ, Вандѣ, Кракѣ и т. п. относятся къ извѣстнымъ важнымъ моментамъ въ жизни народа, или, вѣрнѣе, его составныхъ частей, потому-что до Пяста и потомковъ его не существовало даже понятія о народѣ, какъ объ единичномъ цѣломъ. Въ глубѣ лѣсовъ, въ тиши непроходимыхъ дебрей, мало-по-малу образуются отдѣльныя группы, которыя, соединившись вмѣстѣ, образуютъ со временемъ государство Болеслава Храбраго.

Вначалѣ лѣтописцы не придерживаются одного какого-либо постоянного названія для обозначенія описываемой ими страны; она фигурируетъ у нихъ подъ именемъ то страны полянъ, то ляховъ и леховъ. Только во-времена Мѣшка Стараго и сына его Болеслава, поляне являются впервые въ исторіи. Конечно, этому появленію новаго народа на исторической сценѣ должна была предшествовать внутренняя работа составныхъ его частей, подготовившая его силы для самостоятельной жизни.

Длугошъ, который въ XV вѣкѣ писалъ исторію Польши съ точки зрѣнія тогдашней эпохи, собралъ преданія о доисторической Польшѣ, не подвергнувъ ихъ ни малѣйшей критикѣ. Ставить ему въ укоръ такое отношеніе къ дѣлу, мы не имѣемъ права, потому-что каждое поколѣніе увѣрено, что именно ему-то и суждено было постигнуть истину.

У Длугоша самое древнее преданіе упоминаетъ о Лехѣ, по имени котораго и вся страна получаетъ названіе Лехіи, жители-же ея — лехитовъ. Между тѣмъ, Длугошъ знаетъ, что разныя родственныя лехитамъ племена, а вѣрнѣе только союзныя съ ними, имѣли каждое свое отдѣльное прозвище.

Міеическій Лехъ Длугоша не оставилъ потомства. Въ сущности намъ даже неизвѣстно время его существованія, долго-ли

родъ его владѣлъ землею. Приходится ограничиться тѣмъ, что онъ умеръ, не оставивъ наслѣдниковъ.

Послѣ первыхъ властителей, единоличныхъ деспотовъ, вѣрнѣе, старѣйшинъ рода и племени, которые правили одною громадною семьею — наступили времена двѣнадцати воеводъ, поставленныхъ во главѣ народа.

Преданіе, которое ставитъ въ началѣ патріархальный образъ правленія, а послѣ него правленіе нѣсколькихъ единицъ, не противорѣчитъ природѣ вещей. Процессъ созиданія народа долженъ былъ совершаться именно такимъ путемъ.

Являющійся вслѣдъ затѣмъ Кракъ, по всей вѣроятности, чешскаго происхожденія, никакъ не вяжется съ преданіями о лехитахъ. Личность его словно выдумана лишь съ тѣмъ, чтобъ связать въ одно цѣлое Лехію съ остальнымъ славянскимъ міромъ. Отъ разсказа о немъ вѣетъ особеннымъ духомъ. Въ немъ видны слѣды общеславянскаго міра, какой-то древней поэмы. Кракъ въ одно и то-же время царитъ у полянъ и у чеховъ и основываетъ Краковъ, сразу отнимающій все значеніе у древняго Гнѣзна. Вся жизнь сосредоточивается въ этомъ польско-чешскомъ городѣ. Но у самаго замка, воздвигнутаго на Вавелѣ, поселяется драконъ (olophagus), который проглатываетъ не только скотъ—не щадитъ и людей.

„Изнуренный продолжительнымъ голодомъ, — повѣствуетъ Длугошъ:—онъ выходилъ изъ своей ямы и съ дикою яростью нападалъ на скотъ, лошадей, воловъ, душилъ ихъ и пожиралъ. То самое случалось и съ людьми, если они ему попадались“:

Жители Кракова, подъ вліяніемъ страха, задумали-было оставить городъ. Кракъ тогда возымѣлъ мысль накормить дракона мясомъ, перемѣшаннымъ съ сѣрою, воскомъ, смолою и со скрытымъ въ этой смѣси огнемъ. Драконъ проглатываетъ подброшенную ему пищу и умираетъ въ жестокихъ мукахъ. Кракъ, избавившій такимъ образомъ страну отъ угрожавшей ей страшной опасности, долго царствуетъ, а благодарный народъ, послѣ смерти властителя, воздвигаетъ ему огромныхъ размѣровъ курганъ на горѣ Ласоттѣ, подъ Краковомъ. Курганъ этотъ напоминаетъ могилы Владыкъ, которыя и до настоящаго времени можно видѣть въ Швеціи, подъ Упсалою. Эта-то могила и послужила поводомъ нарож-

денія миеа о Кракѣ. По какимъ причинамъ одна изъ трехъ дочерей Крака царствуетъ затѣмъ самостоятельно въ Чехіи, объ этомъ преданіе умалчиваетъ.

Изъ числа этихъ трехъ дочерей намъ извѣстны всего только двѣ: Любуша и Ванда. У Крака, кромѣ того, были и сыновья: Кракъ и Лехъ, которыхъ можно считать представителями двухъ областей: Хробацкой и Лехицкой, соединившихся впоследствии въ одно цѣлое.

Завистливый Лехъ убиваетъ своего старшаго брата, рубить тѣло на куски и зарываетъ въ песокъ; всѣмъ-же Лехъ объявляетъ, что дикій звѣрь растерзалъ его брата на охотѣ.

Такимъ образомъ Лехъ долгіе еще годы царить одинъ, но въ концѣ преступленіе выходитъ наружу, и поляки изгоняютъ его изъ своей земли. Другое преданіе гласитъ, что онъ умеръ бездѣтнымъ, мучимый угрызеніями совѣсти.

Это убійство, часто встрѣчающееся въ народныхъ пѣсняхъ, имѣетъ характеръ народной былины. Замѣтимъ кстати, что въ гораздо позднѣйшемъ сказаніи объ убійствѣ св. Станислава, снова является это рубленіе тѣла на части.

Послѣ Леа на княжескій престолъ вступаетъ его сестра, дочь Крака—Ванда. Сказаніе объ ней несомнѣнно должно быть причислено къ произведеніямъ чисто народнымъ. Ванда не хочетъ выходить замужъ, она даетъ клятву богамъ остаться дѣвицею, Князь аллемановъ Ритогаръ, сосѣдъ Ванды, властелинъ чрезвычайно богатый, шлетъ къ ней пословъ своихъ съ предложеніемъ взять ее въ жены. Послы возвращаются къ нему съ отказомъ. Ритогаръ собираетъ огромное войско и идетъ войною на Ванду. Ванда тогда становится во главѣ своей дружины.

Еще разъ Ритогаръ повторяетъ свою просьбу,—Другошу даже достовѣрно извѣстно, что говорили послы Ритогара и какъ отвѣчала имъ Ванда. Послѣ новаго отказа раздаются трубные звуки, вызывающіе къ сраженію, но нѣмцы, испуганные злобѣею красотою Ванды, обращаются въ бѣгство. Наружность королевны ихъ побѣдила. Ритогаръ, не будучи въ состояніи собрать своего войска, послѣ недурного монолога, убиваетъ себя собственнымъ мечомъ. Ванда заключаетъ миръ съ нѣмцами и тридцать дней празднуетъ побѣду, а затѣмъ приноситъ жизнь свою въ жертву

богамъ и кидается въ Вислу. Тѣло ея народъ хоронить надъ Длубней, въ недалекомъ разстояніи отъ Кракова, воздвигнувъ ей такую-же могилу, какъ и отцу ея—Краку.

Древность этого преданія, къ сожалѣнію, въ послѣдствіи испорченнаго новѣйшими вставками, не подлежитъ сомнѣнію.

Послѣ смерти Ванды воеводы опять появляются во главѣ народа. Это ясно указываетъ, въ какой мѣрѣ лѣтописцы пользовались народными сказаніями для того, чтобы какъ-нибудь связать въ одно цѣлое мѣстъ съ историческимъ бытомъ славянъ, а главнымъ образомъ чеховъ.

Нападенія враговъ, говоритъ сказаніе: — венгровъ, моравовъ, заставляютъ полянъ избрать себѣ вождя. Длугошъ рассказываетъ, какимъ образомъ вождемъ былъ избранъ Пржемыславъ (лехичко-чешское, или вѣрнѣе славянское имя). За то, что этому рыцарю (такимъ онъ является у Длугоша) удалось побѣдить враговъ, его дѣлаютъ королемъ и даютъ имя Лешка. Этотъ Пржемыславъ-Лешекъ также не оставляетъ потомства.

Снова начинаются выборы новаго князя (въ чемъ, конечно, замѣтно вліяніе эпохи республики Ягеллоновъ). Кандидатовъ является много, начинаются споры, избраніе становится почти невозможнымъ. „Тогда,—по словамъ Длугоша,—придумали слѣдующее средство: къ столбу, стоящему по срединѣ поля, всѣ, мѣтившіе въ князья, верхомъ на лошадяхъ разной масти, должны были скакать одновременно. Кто первый очутится у столба, тому и быть княземъ, несмотря на его происхожденіе. Скачки эти происходили надъ Прондникомъ, въ окрестностяхъ Кракова. Хитрый Лешекъ, заранѣе ночью, усыпалъ всю дорогу желѣзными гвоздями, которые затѣмъ посыпалъ пескомъ, оставивъ только одну тропинку для своей лошади. Двое какихъ-то людей, предполагавшихъ, ради забавы, бѣжать пѣшкомъ къ столбу—провѣдали объ уловкѣ Лешка, но никому о ней не сказали. Въ назначенный день (15 октября), огромныя толпы народа собрались у столба. Конечно Лешекъ, который кромѣ того не забылъ подковать свою лошадь, примчался первымъ. Но вмѣстѣ съ нимъ прибѣжалъ и тотъ, который зналъ о хитрости Лешка. Тогда судьи-кметы, извѣщенные о случившемся, велѣли Лешка казнить, а молодого

парня, одновременно съ нимъ прибѣжавшаго къ столбу, выбрали княземъ. Этотъ вновь избранный князь получаетъ имя Лешка.

Этотъ-то Лешекъ II является родоначальникомъ князей, долгое время управлявшихъ народомъ. По преданію, Попель (Pompilius), — сынъ Лешка II и его законной жены. У Лешка кромѣ него было еще двадцать сыновей отъ двадцати другихъ незаконныхъ женъ.

Попели снова переносятъ столицу изъ Кракова въ Гіѣзно, гдѣ и разыгрывается, наша повѣсть или, вѣрнѣе, сказаніе.

К о н е ц ъ .

